

БОРИС Е. ШТЕРН

ФЕНИКС
САПИЕНС

Борис Штерн
Феникс Сапиенс

«ИП Головин»

2021

Штерн Б. Е.

Феникс Сапиенс / Б. Е. Штерн — «ИП Головин», 2021

Книга повествует о вымышленном будущем – вплоть до очередного ледникового периода. С некоторой натяжкой ее можно назвать научно-фантастической при том, что собственно фантастики в ней не так много. Формально книга относится к жанру «постапокалипсис», или просто постап. Благополучная цивилизация, разомлевшая в комфорте, созданном предыдущими поколениями, в одночасье рухнула из-за вроде бы сущей ерунды. Конечно, человечество возродилось (как это следует из названия), но с большой задержкой. Собственно апокалипсис – лишь сюжетный фон, хотя и показывающий вполне реалистичный вариант возможного коллапса глобализованного мира. Книга в основном сфокусирована на небольшой компании ее героев – путешествующих, ищущих, расследующих, спасающихся; веселых, деятельных и по-своему счастливых в любой ситуации.

© Штерн Б. Е., 2021

© ИП Головин, 2021

Содержание

Дисклеймер	6
Благодарности	7
Часть I	8
1. Бесконечная река	8
2. Перемены в небе и на земле	17
3. Большой Курзыц	24
4. Лицо на камне	37
5. Край земли	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Борис Евгеньевич Штерн

Феникс Сапиенс

Использованы изображения pxhere.com, picsels.com и publicdomainpictures.net

АНО «Троицкий вариант»

Издательство «Тривант»

* * *

Дисклеймер

Флора, фауна, топография, гидрография, климат и состояние артефактов в описываемых местах в описываемые времена продуманы, но не претендуют на научную достоверность. В частности, подразумеваемый сдвиг траектории атлантических циклонов в период оледенения является фантастическим допущением.

Благодарности

Автор благодарен своим рецензентам-волонтерам: **Александру Маркову** (эволюционная биология, антропология), **Алексею Екайкину** (гляциология, климат) и **Алексею Оскольскому** (тропическая флора, определение видов растений).

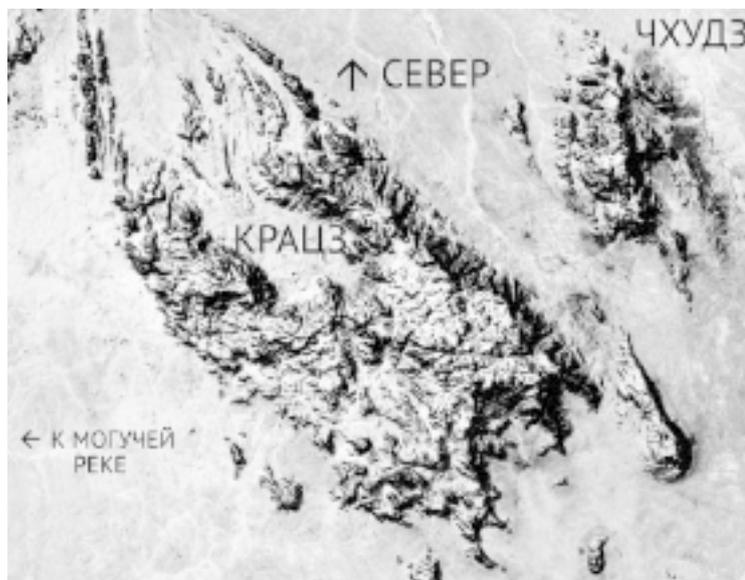
Часть I Семена

1. Бесконечная река

Большая бесконечная река не спеша несла плот с девятью человеческими существами куда-то в неведомые края. Мир был гостеприимен, чист и свеж: зеленые острова, песчаные пляжи и косы, фрукты, рыба, птицы и звери, с изумлением глядящие с береговых обрывов на странное сооружение на воде с невиданными смуглыми существами без шерсти и перьев. И ни одного человека вокруг! Ни малейшего признака человека: ни запаха дыма, ни отпечатка ступни, ни следов стоянки на берегу. Весь разворачивающийся в своей красе мир принадлежал им, девятерым: отцу, матери, сыну, дочке, другу отца, невесте сына, приемышу и двум малышам.

Никто из девятерых не знал, куда ведет река, где она заканчивается. А может, и нигде не заканчивается, и они будут плыть по ней всю жизнь? Зато все, кроме малышей, знали, откуда они плывут, и понимали зачем. Горстка людей бежала из своего племени под названием крацз (в переводе «мы»), затерянного в долине среди горного массива, похожего по очертаниям на клешню рака. Видимо, далекие-далекие предки выбрали эту долину в объятиях горной клешни для защиты от внешнего мира – кто его знает, какие угрозы он несет?!

Собственно, никто в мире не знал, что их племя называется именно так, и никто больше не говорил на их непередаваемом языке. Да и где были другие племена?! Единственное известное им племя называлось чхудз, что означало «они» и одновременно «враги» – эти два понятия на языке крацз передавались одним словом. Они – то есть враги – жили на равнине за высоким горным кряжем, образующим восточную часть «клешни» у восточного подножия соседних гор.

Перебраться через кряж не так просто – в горах, перехватывающих влагу облаков, рос густой труднопроходимый лес. Казалось бы, можно обойти горы, идя саванной на северо-запад, обогнуть кряж и идти на юго-восток, но обход в несколько раз длиннее, и, главное, на том пути вражеские пастухи обнаруживали отряд на дальних подступах и успевали предупредить

соплеменников. И все равно не часто, но с удручающей регулярностью оба племени совершали набеги друг на друга – с жертвами с обеих сторон, с добычей в виде скота и маленьких девочек. Подросших девочек и девушек не брали – они не годились ни в жены, ни в наложницы, поскольку на всю жизнь оставались врагами – ненависть к племени крацз, пропитавшую их до мозга костей, не удавалось ни вышибить палками, ни утихомирить лаской.

Рождаемость в обоих племенах была высокой, детская смертность умеренной, но взаимные набеги стабилизировали численность племен на уровне двух-трех сотен человек. Так было испокон веков – предания не доносили ни малейших намеков на иную жизнь. Если исключить хронику набегов, то истории племени крацз не существовало. Разве что в легендах о могущественных духах предков происходили какие-то события, служившие предметом гордости ныне живущих: славные битвы, великие победы и прочие вехи.

Коллективное бегство из племени произошло, вероятно, впервые. Во всяком случае, предания не сообщали ни о чем похожем. Страх перед неизвестными далями оберегал племя от побегов, этот страх из поколения в поколение воспитывался колдунами и укреплялся легендами. Предания гласили о страшных опасностях, таящихся за горами, – о чудовищах, злых духах и смертельных напастьях. А о самой страшной и о самой загадочной беде повествовала легенда про курзыц. Дескать, за горами существует нечто жуткое, хоть и неодушевленное, но такое, что не может быть сотворено ни природой, ни человеком, ни духами предков. Оно может появляться в разных местах и принимать разные формы, потому его нельзя описать словами. Но каждый, кому выпало несчастье его увидеть, сразу понимает: курзыц! После встречи с курзыцом человек становится одержимым, пропащим, обуреваем бесовским смятением, и в конце концов, чтобы прекратить мучения бедолаги, соплеменникам приходится забивать его камнями.

Река текла неспеша, да и беглецы никуда не торопились – долгие ночлеги на берегу, дневные остановки. От погони их надежно охранял тот самый страх соплеменников перед далями, который они однажды преодолели благодаря Отцу. Отец и раньше не испытывал особого страха – ходил дальше всех, лучше всех знал окрестности, служил проводником в набегах на соседей. Народ относился к нему с настороженным уважением. Уважение проистекало из его ума и знаний, а настороженность – из его пренебрежения страхами и предписаниями. Настоящее имя Отца невозможно передать транскрипцией. Дело в том, что язык их племени крацз полон цокающих и щелкающих звуков. Придется пользоваться прозвищами путешественников, которые поддаются приблизительному переводу. У Отца было прозвище – одно короткое слово, которое при попытке перевода развернулось бы во фразу «человек, который знает, что за горами». Попробуем свернуть это прозвище в неологизм «Землевед», что примерно будет соответствовать его роли в племени.

Землевед задумал побег и возглавил его. Он сам решил, кого возьмет с собой, и уговорил всех по отдельности, используя разные доводы. Первой стала жена Землеведа. Ее прозвали Мамашей за беспредельное детолюбие. Всех малых детей племени она как будто считала своими, тем более, что половину из них приняла на белый свет собственными руками. Именно благодаря ей в семье появился Приемыш – его мать умерла от внутренней грызи, а отец еще раньше погиб в набеге на чхудз. Она не хотела расставаться с чужими детьми, но также не могла расстаться с мужем. Решающим доводом для нее стали малышки. Они были предназначены в жертву духу Великого Истребителя Врагов перед предстоящим набегом. Такая у племени была традиция... В жертву приносили трофейных девочек, таким образом, избавляясь от проблемы орущих, цепляющихся, царапающихся матерей и готовых отомстить отцов. И когда Землевед пообещал взять их с собой и тем самым спасти, Мамаша с облегчением согласилась.

Гораздо легче оказалось уговорить друга, без которого никуда... Друга прозвали Камнебоем за непревзойденное мастерство в изготовлении каменных инструментов. У него был свой набор приемов. Первый этап – раскалывание крупных камней на много осколков. Камнебой

всегда знал, как лучше расшибить данный камень, и обладал достаточной для этого физической мощью. Потом он выбирал: этот осколок – для топора; этот – для мотыги; у этого отличный острый скол для ножа; из этого получится наконечник копья; а из осколков поменьше – игрушки детям. Далее кропотливо доводил заготовку до аккуратного инструмента – шлифовал, затачивал, просверливал, прилаживал деревянную ручку. Камнебой, выслушав Землеведа, прошел в задумчивости десять шагов туда, десять обратно, расплылся в улыбке, потряс кулаками над головой и воскликнул: «Да!!!»

Дочь по прозвищу Красотка (действительно, и черты лица, и формы – все при ней) согласилась хоть и с неохотой, но почти сразу – ее домогался вождь, которого она предпочла бы видеть на погребальном костре, нежели на собственном ложе. А когда отец перечислил ей участников побега, Красотка явно повеселела.

С сыном оказалось сложнее. Он был патриотом. Совершенно искренним патриотом и славным воином в придачу. Не только хорошим воином, но и отличным охотником – за точность метания копья и стрельбы из лука его прозвали Остроглазом. Чтил законы племени и вождя как наместника духов предков. Землевед даже взял с него на всякий случай страшную клятву о неразглашении, прежде чем посвятить в план побега. Когда Остроглаз узнал, что уходит вся семья, он поднял сидельный камень над головой и изо всех сил грохнул оземь. Потом схватил свое копье и с огромным усилием переломил древко через колено. Потом сел, обхватив голову руками. Но все же и к Остроглазу нашелся ключ по прозвищу Запевала – его жизнерадостная долговязая невеста, которую долго уговаривать не пришлось. Она была урожденная чхудз – тоже бывшая трофейная девочка, росла как трава, без семьи, чего-то нахваталась от добровольных нянек, от детей-ровесников, от подруг. Такие невесты ценились – считалось, что у них рождаются здоровые дети, про них говорили: «свежая кровь». И говорили не зря. Свое прозвище Запевала получила за необычно сильный красивый голос – она прекрасно вела мелодию многочисленных ритуальных песен, возглавляя хор соплеменников.

А Приемыша никто и не уговаривал – не успели, сам напросился, подслушав разговор с Остроглазом. Взял и сказал Землеведу: «Если не возьмете – пожалеете». А малышек попросту осторожно выкрали. У них поначалу не было ни имен, ни прозвищ. Девочки, добытые в предыдущем набеге на чхудз, почти не умели говорить, были тихими и малоподвижными, но за несколько лун пути по реке ожили, заговорили, во многом благодаря Мамаше. Как только плот приставал, они бежали на берег и прыгали, залившись хохоча. Как только плот отплывал, они проделывали то же самое на его настиле, радуясь продолжению пути. Их прозвали Веселька и Прыгулька.

Побег стартовал ночью до рассвета. Это был именно побег: покинуть племя означало совершить предательство, а кража жертвенных девочек – не что иное, как страшное преступление против племени. В эту ночь девочек караулил Камнебой, что и определило дату побега. Он пропустил в ограду Мамашу и Красотку, которые накрепко убаюкали малышек, так, что они не издали ни звука, пока беглецы крались через деревню. Шли тихо и быстро – налегке, если не считать малышек, которых мужчины несли по очереди – сначала на руках, потом на плечах. Шли на запад через перевал в хребте западной части «кleshни».

Никакого скарба, кроме трех копий, одного лука, запаса кожи для ремонта обуви и мелких костяных инструментов они не взяли. Да и зачем скарб, когда у спутников в их новой семье есть руки Камнебоя, способные изготовить любой инструмент в любом месте, где бывают крепкие камни. Кроме рук Камнебоя – сноровка Остроглаза. Никто лучше него не умел стрелять из лука, так что недостаток мяса им не грозил. Все три женщины прекрасно умели прясть и ткать из разных трав хоть циновку для ложа, хоть рубище для тепла. Зачем им нести скарб?!

Еще затемно вошли в горный лес, шли след в след за Землеведом, а к рассвету вышли на перевал. По небу с востока протянулись лучи, один из них зажег скалы Горы Предков. Все, кроме Приемыша и сонных малышек, обернулись – это был их последний взгляд на род-

ную долину, которая еще лежала в глубокой тени – ее рощи и пастбища еле просматривались. Соплеменники в столь ранний час по обыкновению мирно спали, никто не знал о побеге. Вот-вот проснутся пастухи и утренние охотники, потом встанут женщины и начнут доить коров и готовить еду – тут-то и хватятся малышей, а вскоре и остальных. Это произойдет чуть позже, пока еще деревня мирно дремала в полумраке, однако путь назад был уже отрезан, преступление уже совершено.

Беглецы стояли и смотрели. Мамаша тихо прослезилась и прошептала что-то про себя. Камнебой помахал рукой невидимым соплеменникам. Запевала с Красоткой обнялись за плечи и тихонько, будто опасаясь, что их услышат внизу, промурлыкали начало песни прощания с духами. Землевед, едва шевеля губами, сказал про себя: «Прощай Кремень, прощайте Толстошей и Долговяз, простите, друзья, что не смог взять вас с вашими стариками... Считайте меня предателем, считайте, что мы пропадем в дороге, – так вам будет легче». Остроглаз дольше всех стоял с каменным лицом и смотрел в одну точку, где угадывалась деревня, – что-то происходило в его сознании, но что именно – никто не понял. И только Приеммыш, не удостоив родину прощальным взглядом, уставился вперед на запад, где в синей утренней дымке тлел, разгорался угольно-красный кряж, ровный, как лезвие ножа работы Камнебоя.

К середине дня беглецы спустились на западную равнину, и след их простыл в жесткой траве среди раскидистых акаций. Теперь они могли не опасаться погони, потому что Западная равнина считалась запретной – ходила молва, что именно там кто-то когда-то наткнулся на курзыц. Шли друг за другом в плетеных сандалиях с подошвами из бычьей кожи: впереди – Землевед (иногда меняясь с Камнебоем), потом – женщины, замыкающим – Остроглаз.

Звери, никогда не видевшие человека и не боявшиеся его, спокойно лежали или паслись. Они провожали путников долгим взглядом: антилопы – равнодушным, павианы – взволнованным, львы – заинтересованным, а всякая мелочь просто разбегалась по кустам.

Землевед прекрасно знал дорогу и цель пути. За полгода до побега он отправился на разведку в просторы Западной равнины. Путь по саванне на запад занял четыре дня – Землеведа привлек далекий ровный кряж, который он видел с гор. Когда кряж был уже близко, он услышал утробный гул, исходящий как будто из самой земли. Впереди между ним и кряжем угадывалась прямая расселина; чем ближе Землевед подходил, тем мощней становился гул, запахло водой. Наконец он подошел к краю расселины, да так и сел! Внизу с ревом в желтоватой пене в тесном русле несся на север могучий сокрушительный поток. Землевед и не подозревал, что на свете существуют такие потоки. Его ширина была небольшой – полторы сотни шагов. Но какая глубина и мощь! Поверхность воды вздымалась к середине потока – там стояли огромные ревущие волны, взвивались брызги, висела радуга.

«Откуда столько воды?» – подумал Землевед и стал ждать: не кончится ли вода? Отчаявшись дождаться, пошел вниз по течению – куда же она там помещается? Пройдя два дня вдоль реки, он убедился, что стремнина успокоилась, река отвернула от кряжа и вышла на равнину. Шумный бурный поток превратился в плавное нескончаемое шествие огромных масс воды.

Землевед нашел то, что надеялся найти. Нет, он нашел нечто большее, чем надеялся! Могучая невиданная река была замечательной дорогой. Какая удача! Такая река сама унесет в синие подблочные дали, в неведомое просторное будущее. Путь был выбран. Осталось уговорить семью, подобрать надежных спутников и переждать сезон дождей.

Маленький отряд за пять дней пересек Западную равнину и вышел к Могучей реке. Мужчины приступили к строительству плота. Пришлось подняться к стремнине – только там росли подходящие ровные высокие деревья. Камнебой делал топор за топором – инструменты быстро изнашивались. Для ускорения работы он сделал первую в истории двуручную пилу: взял тонкую прочную лиану и пронзил ее под разными углами мелкими острыми кремневыми перьями, плотно обмотал лиану тонкой веревкой, так что каменные лезвия хорошо зажались в расщепках лианы. Получилась сильно разведенная пила – она делала слишком широкий пропилов, но

с новым инструментом стало легче, чем с топором, управляться с толстыми бревнами. Плот постепенно рос. Бревна прочно вязались к поперечинам, на них крепился настил из ровных жердей. На двух крайних бревнах были оставлены сучья, торчащие вверх. Никто из беглецов не имел ни малейшего опыта в навигации, но Землевед сообразил, что плоту нужны уключины и весла, уже потом в пути они сообразили, что еще полезен руль.

Работали семь дней, перекрикиваясь сквозь рев воды. Женщины плели толстые веревки, из окрестной травы, а к вечеру пекли мясо, добытое Остроглазом. С наступлением темноты ужинали и без разговоров, сказок и песнопений заваливались спать. Спешить было особо некуда, но спешилось само собой – несущаяся ревущая вода и плывущие в том же направлении облака звали в путь, брызги и водяная взвесь бодрили и будоражили, а радуга сулила удачу.

Когда плот был готов, все, кроме Землеведа и Остроглаза, отправились пешком вдоль берега вниз по течению. Сын с отцом – единственные, кто умел плавать, отчалили и понеслись сквозь валы, перекатывающиеся через плот. О них позаботилась сама природа воды – отбойные течения держали плот в центре стремнины, один раз Остроглаза смыла стоячая волна, но он в состоянии шока мгновенно выскочил из потока на плот и мертвой хваткой вцепился в весло.

Очень быстро, намного обогнав пеший отряд, отец с сыном причалили к берегу в спокойной воде и дождались остальных. На плоту соорудили шалаш, куда можно забиться всем девятерым в случае дождя, и поплыли на манящий север, вслед за медленно плывущим стадом белых кучерявых облаков.

И все-таки зачем Землевед бежал и увлек за собой восемь человек? Одна причина лежала на поверхности: назревающая стычка с вождем племени. Популярность Землеведа стала угрожать вождю. Добрые люди донесли, что вождь хочет расправиться с ним во время предстоящего набега на чхудз. Но Землевед, пожелай он того, мог бы сам расправиться с вождем, воспользовавшись тем же набегом, тем более что знание местности и стратегическое чутье давали ему преимущество, а его сторонники были хоть и меньше числом, но умней и ловчей сторонников вождя. Просто он этого не хотел, да и не в том дело. Дело в том, что была и более глубокая причина для побега. Гораздо более глубокая.

Жалели ли беглецы о чем-то, оставленном позади? Остались ли в племени какие-то важные зацепки, связи, которые пришлось рвать с кровью? Конечно! Ведь жизнь в широкой долине крацз не сводилась только к изнурительному труду, набегам, ползучим страхам и кровавым ритуалам. В той жизни оставалось достаточно места для веселья, песен с танцами у костра, для веселых игр. Там в жару после утренней работы купались в реке, потом безмятежно лежали в тени, по вечерам после вкусного ужина рассказывали сказки, любили друг друга, преданно дружили. Там находилось место для множества чувств и впечатлений, которые порой складываются в какое-никакое счастье. Пока беглецы тихонько пробирались между хижин, когда в спешке двигались к лесу, временами переходя на бег, когда в темноте пробирались через горные заросли, когда вереницей шли через саванну, когда строили плот – они ведь не ведали о печали. И лишь на большой реке, когда наступил покой, когда между зеленых берегов поверх воды разлилась благодать, у кого-то заняло сердце. Конечно, остались зацепки и нити – они понемногу слабели, но не отпускали.

Прошло шесть лун. Река несла плот на север, потом развернулась на юго-запад, потом снова потекла прямо на север. Она стала еще полноводней, приняв широкий правый приток. Притяжение севера было сильным, а тоска по оставленному на юге – легкой, но все-таки порой прорывалась.

– Грустно мне что-то стало, – сказала Мамаша вечером на стоянке, когда река почти замерла, а дорожка от садящегося солнца превратилась в едва колышущееся отражение светила. – Грустно, что я никогда больше не увижу младшую сестру и не смогу нянчить ее дочь, ты не можешь представить, как она радовалась мне! И костер, когда мы пели вокруг него! Костер-то мы можем развести, а вот чтобы так петь... Нас просто не хватает для хорошей песни.

– Когда-нибудь нас хватит для любой песни, – ответил Землевед. Сын с Запевалой хоть и не успели пройти свадебный обряд, глядишь, родят ребенка, наплевав на церемонии. К тому же наша дочь, если еще не беременна, то скоро будет. Я недавно увидел, как она смотрит на Камнебою – тут нечего сомневаться. К тому же они исчезали несколько раз вместе как только мы причаливали на стоянку. Так что скоро будешь нянчить своих внуков.

– Ты бы еще Прыгульку с Веселькой вспомнил!

– Конечно вспомню! Когда подрастут, отличные невесты будут для Приемыша и нашего будущего внука. Свежая кровь!

– Но нас-то с тобой уже не будет, когда все вырастут и все родятся! Да, будет у нас когда-нибудь отличный хор, но мы-то с тобой не доживем до него.

– Ну, не доживем, и что с того? А мы и сейчас можем душевно спеть: я попробую подпевать, дочь у нас голосистая, сын более-менее, а Запевала лучше всех поет. И Камнебою с Приемышем научим петь. Будет тебе замечательный хор, и костер побольше запалим!

– Камнебою, говоришь... петь научим?! Да ладно?!

– Я лучше сделаю большой деревянный барабан и буду бить в него изо всех сил – сразу все запоют как следует, – сказал подошедший сзади Камнебой.

– Да, уж все разом запоем, – ответила Мамаша. – А пожалуй, зря я печалюсь. Так хорошо здесь: смотрите, как холм в воде отражается – совсем красный от солнца, будто горит. И небо темно-синее – одинаковое все, что вверху, что внизу. Хорошо! А там, смотри, луна выкатывается, красная! И тоже в воде отражается. Всего по два – два неба, два красных холма, две луны. Только мы одни.

– И хорошо, что одни, – ответил Землевед, – а то опять воевать бы пришлось с кем-нибудь. Все! Больше никаких войн. Если увидим другое племя – уйдем восвояси. Места на всех хватит. Главное, мы свободны, как ветер.

– А в племени мы разве не были свободны? Накормил, подоил скотину, дальше делай что хочешь – собирай орехи, хочешь – иди купаться, хочешь – поспи в тени.

– Свобода – это совсем другое. Свобода – когда ты сам решаешь, где и как тебе жить. Когда никто не может издеваться над тобой. А у нас переселишься жить на отшибе – станешь врагом. Захотел вождь воспользоваться правом первой ночи – попробуй воспротивиться! Остроглаз, считай, тебя с невестой пронесло. Небось вождь уже поглядывал на Запевалу. Ну, даже если не поглядывал – мог ведь! Тебе бы такое понравилось?! (Остроглаз молча смотрел в землю.) А уж Камнебою с Красоткой точно бы не пронесло, устрой они свадебный обряд. Разве что испугался бы Камнебою, не надеясь на охрану. Это свобода?! Ладно мы Камнебоем, нас этот бодливый козел побаивается. А я видел, как Толстошей два дня сидел словно каменный, ничего не ел и не пил, смотрел в землю, как ты сейчас, и даже не смотрел на свою невесту. Да, потом у него все наладилось, родили детей, но до сих пор он иногда застывает вот так и смотрит в землю. Никогда раньше с ним такого не случалось.

– Ты, конечно, прав отец, но этим мы платим за безопасность и благополучие.

– А сейчас у нас нет безопасности и благополучия? Сколько угодно еды вокруг. Кого бояться? Львов, которые сами держатся от нас подальше? Неужели мы слабаки и не можем без вождя и его охраны устроить свою жизнь? Подумай, сын!

– А может быть, было бы лучше придушить этого вождя? – спросила Красотка. – Ты бы занял его место и установил другие порядки, без права первой ночи и без порки за непочтение. Ведь не все могут уйти, как мы. У тебя с Камнебоем родители умерли. А многие просто не могли бы бросить родителей. Уйти легко, остаться и изменить жизнь – куда сложнее.

– В твоих словах есть правда, и я сам думал примерно так же. Но есть три довода против удушения вождя, каким бы козлом он ни был. Во-первых, я однажды уже задушил человека и больше никогда ни за что не буду этого делать. И даже чужими руками – никогда ни за что. Во-вторых, я бы смог изменить жизнь лишь немного и лишь на время. Потому что можно

изменить порядки, но племя не изменишь. Кто его знает, лет через десять не поддастся бы я сам соблазну пороть за непочтение? И в любом случае потом следующий вождь вернул бы все издевательства. В-третьих, кто-то обязательно был должен навсегда выйти из нашей долины – это ловушка! Жизнь в такой ловушке может быть легкой, но она беспросветная. Племя без просвета впереди в конце концов оскудеет и завянет. Есть еще и четвертый довод за то, чтобы уйти из племени, но я пока не буду его раскрывать.

На ночь глядя развели большой трескучий костер и попробовали спеть песню убления духов дедов и прадедов. Мелодичная тягучая песня не клеилась – Остроглаз что-то нервничал, Дочь и Камнебой переглядывались и явно хотели удрать. Песня заглохла, заговорил Остроглаз.

– Отец, может быть, ты и прав, что не надо воевать, что нам нужна свобода, но мне иногда стыдно, что мы сбежали перед походом на чхудз. В прошлый раз мы им недостаточно отомстили за набег на нас. Без тебя, без Камнебоя, без меня враги смогут разбить наш отряд.

– Я как раз надеюсь на то, что наш побег расстроит планы вождя, и поход не состоится. Конечно, вождь не дурак и понимает, что без лучшего проводника, без лучшего оружейного мастера и без лучшего стрелка лучше не соваться в долину чхудз. А главное – малышки. Их исчезновение – очень плохое предзнаменование перед набегом. Вождь свято верит в силу духа Великого Истребителя. А тут такая напасть – обещанная жертва исчезла!

– Но разве можно оставлять врагов, не отомстив! Они станут сильнее, их станет больше...

– И наше племя станет сильнее и обильнее без набега – никто не погибнет. Я должен рассказать тебе одну историю, я до сих пор не рассказывал ее никому, а сейчас пусть послушают все. Камнебой, погоди делать знаки Красотке, успеете. Я уже упомянул сегодня, что однажды задушил человека, сейчас расскажу. Давно, когда ты был совсем юным и сидел дома, во время набега на чхудз у меня в драке сломалось копьё. Враг уже размахнулся, чтобы продырявить меня, но я каким-то чудом перехватил его копьё, и мы схватились врукопашную. Ярость помогла мне повалить его и обхватить сзади за шею. Я стал его душить. Он захрипел. Ярость стала ослабевать, но появился страх, что если я его отпущу, он меня убьет. Враг извивался, я еле удержал его – мне повезло, что я оказался тяжелее. Потом он стал дергаться, все слабей и слабей. Потом снова стал дергаться, но уже по-другому – схватками смерти. Когда он наконец затих и перестал дышать, я разжал руки и перевернул его на спину. Его лицо будто расправилось, и он перестал походить на врага. Он стал похож на человека. Хуже того, мой сын, он оказался похожим на тебя. Очень похожим, только немного старше. И потом мне часто снился один и тот же сон: я убиваю врага, душу его, изо всех сил сжав за горло, а потом вижу, что на самом деле убил тебя. От отчаяния у меня каждый раз немели члены, я начинал задыхаться и просыпался. Но и после пробуждения отчаяние отпускало не сразу – лишь постепенно до меня доходило, что все в порядке, что это только сон, что ты лежишь рядом за загородкой. Этот сон перестал терзать меня только тогда, когда я твердо решил покинуть племя.

– Когда ты решил уйти? – спросил Камнебой. – Меня ты посвятил в свой план лишь за две луны до побега.

– Я решал это половину жизни. Обдумывал, сомневался, колебался. Куда идти? Кого взять с собой? Не осудят ли меня духи предков? Но я хорошо помню момент, когда решил окончательно – два с половиной года назад в конце поры дождей. Когда ветер разогнал тучи, я увидел, что вершина Горы Предков поседела. Я видел такое один раз, когда был подростком – белая вершина считается знаком того, что предки недовольны нами и печалятся за нас. Я отправился на гору, спешил изо всех сил, продираясь через лес, помня, что в прошлый раз белизна быстро исчезла, – мне хотелось понять, что за седина покрыла вершину. Там наверху было холодно – я не знал, что в горах так холодно и не взял овчинной накидки. Я не спал ночью; шел, чтобы не замерзнуть – мне светила луна. Я дошел за два дня и одну ночь, изодрал сандалии, изрядно померз, но Гора Предков уже стала обыкновенной – серо-зеленой. Лишь

в ямках лежал какой-то белый мокрый порошок. Он был очень холодным и в ладонях быстро превращался в воду. Наверное, этот порошок и был той самой сединой.

На самой вершине я огляделся. Первый раз в жизни я поднялся так высоко. На востоке далеко-далеко протянулся длинный горный хребет. Он едва проступал в дымке. Никогда я не был на том хребте – и за ним тем более не был. До восточного хребта дней семь пути. Я представил, что дошел до него и поднялся. Что я увижу дальше? Наверное, еще одну долину, а за ней снова бледно-голубые горы в дымке. А может быть, широкую равнину, за которой не видно гор, но видна река или озеро. А если долго-долго идти по равнине? Снова встанут какие-нибудь горы. И так без конца! А на западе распростерлась равнина, а за ней тоже синел кряж – не такой высокий, но прямой и ровный, будто отвал от борозды, вспаханной исполином. Что там за борозда такая? Почему мы из поколения в поколение сидим здесь и не знаем более важного дела, чем воевать с соседями? Надо идти в этот мир, у которого нет конца. Надо идти, взяв родных и надежных друзей, надо где-то там, вдали осесть и основать новое племя, и пусть потом кто-то из молодых покинет его и идет дальше и дальше, чтобы появилось много новых племен – на бесконечной земле места хватит всем.

И как только я это твердо решил, мне стало хорошо и спокойно. Как будто какой-то дух вошел в меня и сказал: «Ты все решил правильно. Не сомневайся! Ты принял самое важное решение в твоей жизни. Действуй!» И как будто тот дух стал подсказывать мне дальнейшие шаги. Все стало складываться одно к одному.

– Наверное, тебя направлял дух кого-то из предков, – предположила Мамаша.

– Вряд ли. Тот дух намного мудрей. Духи предков обычно подсказывают, когда надо идти на чхуэдз, когда надо охотиться на антилоп, а до такого они бы никогда не додумались.

– Знаешь, – сказал Камнебой, – я почувствовал то же самое, когда ты рассказал мне о своей затее. Только я не верю в духов. Мне кажется, в нас звучит голос нашей крови, только не простой голос, который, например, зовет нас овладеть женщиной, а какой-то очень древний. Может быть, эта кровь досталась нам от каких-то далеких предков – ведь они пришли сюда откуда-то, может быть, пришли издалека.

– Ты прав, но какая разница – голос крови или голос духа?! Главное, что он зовет, что исчезли сомнения.

– А не подсказывает ли тебе этот голос, что хватит плыть, что пора встать и основать поселение? – спросила Красотка.

– Нет. Он говорит, что надо плыть, пока не увидим что-то совершенно новое, невиданное. И тогда обосновываться.

– А ты уверен, что новое, невиданное существует? – возразил Остроглаз. – Мы плывем уже шесть лун, а река все та же, ну, может быть, стала шире. И мир все тот же... А может, он везде одинаков? Ты же сам говорил: за горами долина, за долиной снова горы и так без конца.

– Да, говорил, но я просто хотел сказать, что мир огромен. Может быть, там совершенно другие горы и долины, непохожие, или что-то еще. Я ведь не отходил от нашей долины дальше, чем на пол-луны ходьбы, и нашел в этих пределах огромную реку, нашел сухую каменистую землю почти без травы и деревьев, нашел белый порошок, превращающийся в воду, видел деревья толще слона. И еще кое-что видел, когда-нибудь расскажу. Потому я верю, что в мире много невиданного, что мы даже и представить себе не можем что-то еще, для чего у нас нет слов. Да хотя бы взять эту реку! Я нашел ее год назад. До этого никто не знал, что бывают такие большие реки. А может быть, она куда-то впадает – в такую реку, что с одного берега не видно другого...

– А неужели у земли нет края? – спросил Приеммыш. – А куда же тогда садится солнце? Прямо в землю?

– Наверное, есть край, хотя что он такое? Обрыв? А куда течет река? Падает с этого обрыва? Ох, и вопросы! Давайте что ли ужин готовить.

– А когда мы последний раз запекали мясо крокодила в синей глине? – неожиданно спросил Приемьш.

Все замолчали и стали переглядываться. А правда, когда?

2. Перемены в небе и на земле

Когда же они последний раз ели мясо крокодила, запеченное в синей глине?

– Полторы луны назад, – предположил Камнебой.

– Нет, пожалуй, уже две луны, как не ели, – поправила Мамаша.

– А почему? – ехидно спросил Приемьш.

– Не попадались что-то крокодилы, – ответил Землевед. – Да и синяя глина что-то не попадалась, – добавил он после задумчивой паузы.

– Не грустите, я вам на ужин рыбу на камнях пожарю – вкуснее крокодила будет, – предложила Мамаша.

– Да не о том речь. Значит, крокодилы здесь не водятся. А там водились. Значит, что-то сильно изменилось. Значит, мир здесь не совсем тот же, значит, он не везде одинаков! – заключил Приемьш.

– Разумно говоришь, – ответил Землевед. – Может быть, я ошибался. А как узнать, если никогда не уходил дальше, чем на десять дней пути? Кстати, вот эти странные деревья с длинными зелеными иголками вместо листьев совсем недавно стали попадаться – они ведь там у нас тоже не растут.

– А как хорошо они пахнут! – вступила Запевала. – Давайте на следующую ночь встанем среди них.

Предложение приняли, и на следующий ночлег пристали к крутому берегу с этими странными деревьями. Оказалось, их сухие иголки, подобранные с земли, удобны для разведения огня – хорошо вспыхивают, если положить их на тлеющий трут и дунуть, а если их сгрести и накрыть тростниковой циновкой – получается отличное мягкое ложе. В эту ночь Мамаша впервые пожаловалась на холод.

– Давай, я тебя еще одной циновкой накрою, – предложил Землевед.

– Ты лучше сам меня согрей. Ну вот... Нет, грей лучше... Вот так, давай сюда. Во-о-от... Давай-давай... У-у-у... Хорошо... М-м-м... Ой, молодец! Еще! Тихо... Подожди, помолчи пока. Ох, хорошо! А ты за двадцать лет, пожалуй, не стал слабей. Хорошо согрел! А знаешь, я, наверное, могу еще родить. Ну и что, что был выкидыш?! Тогда ведь три года назад сказали, что тебя убили при набеге. Через три дня ты пришел, но я чуть к предкам не отправилась от горя. Потому и выкидыш. У нас ведь только двое выросли из шести. Давай попробуем еще! У меня три дня назад кровь отошла – скоро самое время. Давай уж, поработай! Да, вижу, что можешь, не старик ведь еще, хотя и похож на корягу. Да ладно, не обижайся, я пошутила – по мне, так ты самый красивый. Мы с тобой точно сможем. Нельзя же все надежды на детей возлагать. Как они пахнут, эти деревья! Давай останемся здесь на несколько дней.

– О, если ты меня будешь так обнимать и гладить, я согласен остаться. Хоть на целых пять дней. И поработать не прочь – что ж не поработать, пока инструмент в порядке! Ты ведь за двадцать с лишним лет стала слаще. Молодые думают, мы с тобой старые и вялые и спим зубами к стенке. Что они понимают в жизни, эти незрелые!

Запевала и Красотка радостно поддержали идею пожить несколько дней в этом чудесном месте. Камнебой с Остроглазом согласились, сначала без энтузиазма, но, поговорив с подругами, тоже горячо поддержали – видимо, у подруг нашлись несокрушимые доводы. Соорудили шалаши и дружно неистово предалились инстинкту продолжения рода. Все располагало к любви – и чудесный запах, и отсутствие гнуса, и ласковая ночная прохлада, и просторная стоянка. Скорее всего, именно здесь был внесен решающий вклад в преодоление грядущей демографической проблемы. А Приемьш, которого по ночам раздражали сопутствующие звуки, особенно когда они испускались синхронно из трех шалашей, поднимался на холм и изучал звездное небо.

– Отец, – сказал Приемыш на четвертое утро, – Северная звезда стала выше и вообще не заходит, даже когда Малый Топор оказывается ручкой вверх. Раньше она всегда заходила. И вообще все северные звезды стали выше, а южные – ниже.

– Что же тут удивительного? – ответил Землевед. – Видишь то облако? Если перенестись в его сторону на четверть дня пути, оно окажется гораздо выше, может быть, прямо над головой. Так и звезды – мы ведь уже шесть лун плывем на север – прямо к северной звезде. Только половину луны плыли на юго-запад, а теперь снова на север.

– А тогда и солнце должно сдвинуться к югу?

– Должно. Сейчас середина года, начало сезона дождей.

– А где же дожди?

– Ну, был вчера дождь! Хотя что это за дождь – короткий ливень, а сейчас снова ясно. Но я считал луны, сейчас середина года, когда солнце должно проходить точно между севером и югом, а в полдень стоять прямо над головой, так что кол, воткнутый прямо, не отбрасывает тени. Мне кажется, солнце тоже съехало к югу. Принеси-ка вон ту ровную палку.

Землевед воткнул палку в землю, сделал отвес из длинной тонкой травинки и камушка, выровнял палку по отвесу.

– Ну вот, видишь, отбрасывает тень.

– Но мне кажется, еще не полдень.

– Давай подождем. Будем отмечать конец тени камушками.

Тень немного укоротилась и снова пошла удлиняться. Землевед измерил пальцами наименьшую длину тени и длину палки. Тень была в три раза короче.

– Там, откуда мы плывем, сейчас тени нет. Значит, солнце на небе в три раза выше, чем расстояние по прямой, которое мы проплыли на север. Ты понимаешь, почему?

– То, что мне мало лет, вовсе не значит, что я глуп. Чего тут не понимать?!

– Хорошо. Мы плыли шесть лун, но не по прямой. Будем считать, четыре луны прямого пути. Значит, до солнца 12 лун пути, если плыть по реке, только реки такой нет, что вела бы к солнцу.

– Далеко! Почти год пути! А до чхудз сколько пути?

– Если бы к ним вела прямая река – два дня. А так, через горы и саванну, приходится идти четыре дня.

– Как далеко солнце! Наверное, это хорошо, а то бы оно нас изжарило. А звезды тоже так далеко?

– Наверное, так же далеко. Все они на небе – не на том небе, по которому плавают облака, а на настоящем высоком небе. Знаешь, я, пожалуй, этой ночью отдохну и пойду с тобой на холм. Посмотрим вместе на звезды – давно не смотрел на них.

Землевед с Приемышем поднялись на холм в сумерках. Вначале зажглась Вечерняя Красавица, потом крайние звезды Охотника. Скоро стал виден весь Большой Топор, Журавль и под ним – яркая Северная звезда.

– Давай проверим твоё зрение, – предложил Землевед. – Смотри на вторую звезду в ручке топора. Видишь там что-нибудь еще?

– Ты говоришь про еще одну звезду рядом? А как ее можно не видеть? Неужели есть те, которые ее не видят?

– Конечно, есть. Я еще вижу, но уже с трудом – нужно поводить глазами, тогда вижу.

– А вон, видишь, рядом с Северной звездой две маленькие звезды?

– Да, треугольник получается.

– А посмотри внимательно на верхнюю из них. Ничего не видишь?

– Нет, куда мне...

– Она состоит из двух очень близких звездочек!

– Надо же! Я и раньше этого не видел. Да, по правде, настоящий остроглаз у нас ты, а вовсе не старший сын!

Луны не было. Вечерняя Красавица вскоре зашла, заря совсем погасла, и началась звездная вакханалия в сопровождении хора кузнечиков. Кажется, Землевед с Приемышем еще не видели такой яркой Голубой Дороги.

– А знаешь, отец, ты был не прав, что солнце и звезды на одном небе. Звезды дальше, гораздо дальше, чем солнце, неужели ты не видишь?

– Тогда получается, что нет одного высокого неба. А как же тогда они все вместе крутятся вокруг нас? Посмотри своими острыми глазами – Голубая Дорога раздваивается. А что посередине – пустота? Или Дорогу закрывает что-то темное?

– Похоже, ее середину закрывают темные облака, будто полоса черного дыма. Но там, на темной полосе, много звезд, значит, они ближе к нам, чем черный дым, застилающий далекую-далекую Голубую Дорогу.

– Да, мне кажется, мы смотрим в бездну! Но как она вся крутится вокруг нас?! Я много чего повидал и никогда не трусил, но сейчас стало немного страшно – будто холодок по спине. Кажется, мы, глядя на небо, приблизились к чему-то жутковатому – к какой-то тайне, которая не для нашего ума.

– Помнишь, ты говорил про облако: если перенестись ближе к нему по земле, то облако станет выше. Но если звезда вообще не видна на небе – сколько к ней не несись, она все равно не взойдет. Как она поднимется, если спрятана за краем земли? Она и останется за краем.

– Да, ты правильно говоришь. Я не понимаю, почему мы видим Северную звезду, когда Малый Топор смотрит ручкой вверх – она всегда пряталась при этом. Мы подплыли ближе, и она вышла из-за земли, будто мы плывем по выпуклой равнине.

– А как равнина может быть выпуклой? А как по ней тогда может спокойно течь река?

– Да никак! В том-то и дело! Я же говорю – это тайна не для нашего ума. Пойдем, поспим немного.

На утро пятого дня стоянки осоловевшие проголодавшиеся путешественники задумались о еде и разбрелись за добычей. Остроглаз набил дротиком на мелководье мешок рыбы, Приемыш принес корзину раков, Землевед, уйдя с луком, принес на плечах молодого кабанчика, Мамаша вернулась с корзиной орехов, Запевала пришла, обвесившись связками кистей неведомых прозрачных желтовато-зеленых ягод, и только Камнебой с Красоткой, смущенные и обессиленные, вернулись последними ни с чем.

– Какие вкусные ягоды, вкусные и сочные! – сказала Мамаша. – Но кажется, мы перестарались с рыбой и с мясом. Мы не сможем съесть все – половина протухнет.

– Съедем! Под землю провалимся, но съедем! – рыкнул Землевед, потрясая кулаками.

– Одолеем, костями ляжем, но одолеем! – выкрикнул Камнебой, ударив кулаком в гулкую грудь.

– Победим! С ног рухнем, доползем и победим! – добавил Остроглаз, упав навзничь для убедительности.

– Камнебой, разводи костры! Мамаша с Запевалой – разделявайте, запекайте и жарьте! Дочь, обустрой и украшай трапезную площадку вот здесь! Сыновья, бегом за дровами! – распорядился Землевед.

Работа закипела. Веселька с Прыгулькой заскакали по кругу, повизгивая в такт. Мамаша с Запевалой, разделявая рыбу, вполголоса затянули песню приглашения духов к трапезе. Задымились три костра, запахло жареной рыбой, с кабанчика закапал на угли, зашипел жир, всю стоянку накрыл невыносимый запах вкусной сытной еды. Красотка с Запевалой разложили жареную рыбу и куски печеного мяса на плоских камнях, дали каждому по зазубренному каменному ножу – Камнебой наскоро наколол их из подвернувшегося булыжника...

– Налетай! – скомандовал Землевед.

И грянул пир! Сначала в полном сосредоточенном молчании – только хруст и чавканье. Потом раздалась отдельные возгласы и звуки довольной сытости. Потом Запевала затянула привычную песню...

– Стой! Опять что ли будем ублажать духов предков? – прервал ее Землевед. – Они остались там, в шести лунах пути, и не знают о нас ничего. Они обитают в тех горах и витают над долиной нашего племени, их защита здесь не действует. Пусть хранят тех, кто остался. А нам надо призвать на помощь других духов. Должны же здесь быть духи реки – у такой огромной реки не может не быть своих духов! Мычите мелодию песни без слов, а я буду заклинать духов реки и берега!

Женщины с Остроглазом затянули мелодию, Камнебой начал отбивать ритм ударами в грудь, малышки с Приемышем пустились в пляс, держась за руки. Землевед встал над песчаным обрывом и прогорланил на всю реку:

*– Эй, духи реки! Восстаньте из мутных глубин!
Вот он я, Землевед, с распростертыми руками на крутом берегу
зову вас.
Я люблю вас, духи реки, и готов поделиться самым важным!
Образами зеленых равнин и синих гор, знанием повадок ветров
и туч.
Поделитесь же со мной наукой течений и мелей,
Поведайте мне цель, которая влечет поток,
Великую цель, к которой река несет нас уже шесть лун!
Восстаньте духи реки и давайте дружить – мы принесем вам
орехи и сладкие ягоды
И просим у вас плавного струения, ведущего мимо мелей.
Полюбим же друг друга, эй, духи реки!*

Землевед перевел дыхание, внимательно озирая движущуюся гладь. Недалеко от берега плеснулась крупная рыба, вдалеке поверхность немного сморщилась из-за легкого водоворота и снова разгладилась. И все. Песня затихла. Землевед подождал немного, крикнул:

– Мычите песню сначала, Запевала – вперед!

Развернулся спиной к реке и продолжил:

*– Эй, духи речных берегов! Вылезайте из густых зарослей на
вечерний простор!
Выползайте из своих душных нор на свежий прохладный воздух!
Вот он я, Землевед, машу вам руками на краю обрыва!
Я дам вам речной рыбы и расскажу про далекую саванну;
Про длинношеих жирафов, пожирющих листья деревьев;
И лунорогих антилоп, щиплющих траву;
Про незаметное племя людей, затерянное в горной долине, откуда
мы родом.
Идите к нам, духи берега, на наш пир, поведайте нам о том, что
там, за холмами!
Расскажите про повадки здешней дичи и о залежах сухих дров!
Эй, духи берега, идите к нам и подружиться навеки!*

И духи берега явились...

– Смотрите, смотрите, кто там глядит на нас из-за деревьев! – прокричала мамаша полусшепотом.

– Это какие-то звери!

– Они немного похожи на собак, только не такие ушастые. И уши у них острые, а не овальные.

– Они не пятнистые, а рыжие, серые и вон черный. А вон там – весь белый с черной мордой.

– Они крупней, сильней и пушистей собак, и хвосты у них толще и без белых кисточек.

– Они не боятся нас и не собираются нападать, они ждут чего-то. Они – точно духи берега!

Духи-звери спокойно сидели и глядели на людей.

– Дадим им рыбы, будь они духи в обличье зверей или просто звери, – обязательно надо дать рыбы, ведь я обещал! – сказал Землевед. Он взял небольшую запеченную рыбку и мягко осторожно шагая двинулся к зверям. Они смотрели с небольшой настороженностью и, когда Землевед приблизился, отошли на несколько шагов. Землевед положил угощение и пятясь отступил назад шагов на десять. Самый крупный из духов, весь рыжий, с черной мордой, осторожно опустив голову, подошел к рыбе, схватил и ретировался к стае, где с явным удовольствием расправился с подарком. Следующим пошел Камнебой, ему удалось подойти и положить рыбу на два шага ближе. Ее взял черный зверь с белыми лапами.

– Дайте, я попробую, я меньше вас и слабей, они не будут сторониться меня, – предложил Приемьш.

– Ну попробуй. Возьми ребро кабанчика с мясом – оно им тоже понравится.

Приемьш на полусогнутых ногах подошел на десять шагов к стае заинтересованно глядящих звероподобных духов, сел, положив ребро прямо перед собой, и стал ждать. От стаи отделился серый зверь с голубыми глазами и осторожно приблизился. Вместо того, чтобы сразу взять подарок, он обнюхал обомлевшего Приемьша, помахал хвостом, лизнул его в ухо и только потом взял подарок и степенно удалился.

– Духи-звери готовы дружить с нами. Дадим им оставшуюся рыбу, все равно нам ее не съесть!

– Возьмем самые вкусные части кабанчика, обернем листьями, зароем для себя, а им отдадим остальное.

– Дайте, я покормлю их! – вызвалась Запевала.

Она положила рыбу и кости кабана в мешок, подошла к стае и села. Звери обступили ее, энергично виляя хвостами.

– Ой, ой, вы залижете меня до смерти! Вот, берите! Вот тебе, иди сюда серый, иди черномордый...

Стая долго хрустела костями, потом звери, виляя хвостами, приоткрыв рты, смотрели на людей, потом расположились на ночлег неподалеку в роще, вырыв лежки среди иголок и травы.

– Они будут охранять нас всю ночь, – предположила Запевала.

– Скорее всего, они надеются еще поживиться у нас с утра. Пусть поживятся, они ведут себя как друзья – не жалко.

– Ну вот и солнце село. Давайте посидим у костра, – предложила Мамаша. – Веселька, Прыгулька, идите сюда, я сказку расскажу про ветер. И остальные послушайте – это очень старая сказка, почти забытая. Я ее слышала от своего деда, а рассказывала только раз Красотке, когда она была еще маленькой. Поди, давно забыла.

– Да, совсем не помню! Про козу и козлят помню, а про ветер – ну хоть убей!

– Ладно, слушайте. Сказка необычная, мне самой она нравится, хотя иногда, когда вспоминается, навевает грусть.

Когда-то давным-давно племя крацз было могучим и обильным. Но потом все племена стали воевать – все против всех и перебили друг друга, а тех людей, кого не успели перебить, скопил мор – и стариков и женщин и детей. И когда последний воин племени испустил дух, когда умер последний старик и последний ребенок, духи племени собрались под вечер на Горе Предков, чтобы решить свою судьбу.

«У нас не осталось потомков, – взроптали духи. – Нам не над кем витать, некого оберегать. Мы пропадем – никому не нужный дух быстро исчезает. Что делать?»

«Нам надо вселиться в кого-то – в каких-нибудь зверей, – сказал дух воина. – Давайте вселимся во львов – они сильнее всех».

«Не надо вселяться во львов, – ответил дух вождя. – Духи львов умирают вместе со львами. Только духи львиц немного живут после смерти, если у них остались малые дети».

«Давайте вселимся в воду, – сказал дух рыбака. – Мы будем управлять ее течением, омы-вать поля, питать деревья поить зверей и разводить рыбу. От нас будет польза, и мы не исчезнем».

«Ты дело говоришь, – ответил дух вождя. – Только беда в том, что вода утекает и не возвращается. Я не знаю, куда она девается, может быть, низвергается с края земли, но никто никогда еще не видел, чтобы она текла назад. Разве мы хотим низвергнуться с края земли?!»

«Нет, нет, не хотим!» – закричали духи.

«А я вот что скажу, – возгласил дух шамана, – давайте вселимся в ветер! Он гоняет облака и приносит дожди, он разносит семена и поддерживает птиц в полете. Мы будем направлять ветер, от нас будет польза и, главное, ветер всегда возвращается! И мы рано или поздно вернемся».

«Ты прав! – ответил дух вождя. – Летим вместе с ветром на север и постараемся держаться вместе!»

Духи долго-долго носились с ветром, направляли его, приносили дожди в сухую саванну, разносили семена. Они повидали мир, который за горами, они увидели то, что далеко на севере и на юге, далеко на западе и на востоке. Иногда они разлетались в разные стороны и теряли друг друга, иногда снова собирались вместе. Однажды несколько духов, пролетая над родной долиной, решили, что хорошо бы вернуться навсегда. Но как?

«Мы хорошо поработали, нам бы снова воплотиться в людей!» – сказал первый дух.

«Но дух не может снова воплотиться в человека!» – ответил второй.

«Я придумал, придумал! – вскричал третий дух. – Мы же несем семена деревьев – вон те, с крылышками. Давайте вселимся в эти семена и опустимся на землю. А потом будем управлять всходами, чтобы из них выросли не деревья, а дети».

Вот так и возродилось наше племя, – закончила Мамаша.

Прыгулька с Веселькой уснули на половине сказки. Запевала пустила слезу. Камнебой с Красоткой сидели, обнявшись – голова Красотки на широком плече Камнебоя. Остроглаз с Приемшлем глядели на огонь, а Землевед, казалось, был готов вскочить и броситься куда-то. Огонь в его глазах словно не отражался, а горел.

– Мне очень понравилась твоя сказка. И мне кажется, будто мы те самые семена, на том самом ветру.

Спали долго, проснулись лишь когда солнце поднялось на половину пути до зенита. Звери исчезли. Остатки вчерашнего пиршества на трапезной площадке – тоже. Зарытые куски кабанчика – тоже. Только ягоды остались нетронутыми, именно на них навалились путешественники, отряхиваясь от остатков сна. Землевед, взяв кисть, сел лицом к реке и, доев ягоды, поторопил остальных:

– Завтракайте быстрее, солнце высоко, мы должны были уже далеко уплыть.

– Отец, подожди! – ответила Красотка. – Давайте останемся здесь навсегда! Здесь так хорошо! Эти ароматные деревья с иголками – хочу жить среди них! Эти сладкие ягоды, эти

милые звери, что словно добрые духи охраняют нас! Где мы еще найдем такое? Я устала плыть и плыть, отчаливать каждое утро и торчать весь день на этой куче бревен! Отец, давай останемся здесь!

Землевед сидел, обняв колени, и молчал, глядя на реку.

– Отец, Красотка права, – поддержал сестру Остроглаз. – Мне здесь тоже нравится. А вдруг дальше все станет хуже? Мне кажется, что здесь сейчас холодней, чем на родине в сухой сезон. Ты не боишься, что дальше будет еще холодней? Неужели мы ушли из племени для того, чтобы только плыть и плыть?

– Отец, нет!!! – вскричал Приемыш. – Мы здесь уже все знаем. Здесь уже неинтересно. Нельзя останавливаться, когда впереди за поворотом что-то неизвестное. Если вы останетесь, я поплыву один!

Землевед по-прежнему молчал, не меняя позы.

– Куда тебе, ты еще слаб и слишком мало знаешь, – ответил Камнебой, – ты погибнешь через пол-луны, да и с плотом не сможешь управляться.

– Все равно я через год подрасту, наберусь сил и уплыву!

– Впрочем, здесь есть один недостаток, – продолжил Камнебой. – Вам понравились ножи для еды, которые я вчера сделал?

– Нет, совсем не понравились – они крошатся, как будто песок из них сыплется, – ответила Запевала.

– Вот в том-то и дело. Здесь плохие камни. Я прошел далеко вдоль берега и не нашел ничего, кроме этих бурых рыхлых камней. Ни кремня, ни даже серого камня. Я не смогу сделать даже стоящего топора.

– Да и без топоров обойдемся, – вступила в спор Мамаша, – нам, главное, детей выносить и родить в покое, на ноги поставить на берегу, а потом и поплавать можно.

– Мне и так, и так хорошо – и здесь, и там вдаль, и на плоту. И посмотреть хочется, что дальше, и с этими зверями расставаться не хочется, – подала голос Запевала. – Я всему рада.

– Отец, если не считать несовершеннолетнего Приемыша, нас – тех, кто хочет остаться, – больше.

– Я тебе покажу «несовершеннолетний»! Я хоть и меньше, но умней тебя. Вот вырасту, дождешься!

Землевед встал:

– Тихо, тихо. Ты умный, умный, но помолчи пока... Ну вот, я так и думал... Нашли уютный кусочек мира и разомлели... Зачем мы ушли из своей долины?! Она ведь тоже уютный уголок. Мы идем не на поиск новой уютой обители – нам не нужен уголок, нам нужен мир! Только-только он начал открываться нам. Только-только мы увидели перемены – новые деревья, новых зверей, перемены в небе... И сразу хотите остановиться! Не стыдно? Знайте, что желание Приемыша сильнее вашего желания. Его устами говорит голос крови древних предков. В его глазах горит огонь их костров. Вашими устами говорит обыкновенная усталость. Ваши глаза подернуты сонной мутью. Плыдем дальше! Плыдем до тех пор, пока нас ведет река. А когда она приведет нас куда-то, мы сразу пойдем. И еще. В мире есть одна великая тайна. Она сродни вчерашней сказке о ветре, и мы должны ее разгадать. Я один знаю про эту тайну, придет время – расскажу, но пока рано. Плыдем! Поднимайте свои отяжелевшие задницы!

Камнебой с Остроглазом оттолкнули шестами тяжелый плот и взялись за весла. Вдруг на берегу появилась вчерашняя стая. Звери не виляли хвостами, как вчера вечером, просто сидели и смотрели, пока не скрылись из виду.

– Они пришли проводить нас, им грустно, что мы уплываем, – нарушила молчание Запевала, – и мне грустно расставаться с ними. Надеюсь, мы еще встретим их собратьев.

3. Большой Курзыц

Через два дня пути после бурной стоянки впереди показалось что-то странное – гряда, идущая поперек речной долины через пойму. В середине гряды разделялась широким проемом, куда и втекала река. А справа перед грядой выступали огромные ровные утесы. Они расположились на одинаковых расстояниях друг от друга, как зубы чудовища, а между ними – глубокие тени, будто ворота во тьму. Только зубы торчали изумительно ровно – выщербленные, местами обломленные, но шли друг за другом, будто их тщательно выстраивал некий великан. Между двумя из них сверху лежала перемычка. Приемыш с его зрением первый увидел утесы и осознал, что что-то с ними не так:

– Смотрите, какие скалы! Таких скал не бывает, но я их вижу!

– Постой-постой, – пробормотал Камнебой, – это мне что-то напоминает. Как там в легенде: «То, что не может быть сотворено ни человеком, ни природой...»

– Курзыц! – воскликнул Остроглаз. – Не смотреть! Там курзыц, все лицом вниз! Закрывать лицо руками!

Женщины сели, уткнув головы в колени, малышки испугались и заплакали, уткнувшись в спину Мамаши. Камнебой с Землеведом переглянулись, а Приемыш смотрел как зачарованный и бормотал:

– Курзыц, вот он какой, огромный и красивый. То, чего не бывает... Наконец я его увидел, увидел!

– Пристаем к левому берегу, – скомандовал Землевед.

Камнебой с Остроглазом встали на весла, Землевед – на рулевое весло, женщины устались в настил плота, прикрыв руками лицо – только бы не видеть страшные зубы. Гребли неистово, но тяжелый плот реагировал медленно и неохотно – пока он двигался к левому берегу, течение снесло путешественников на две тысячи шагов. До гряды осталась еще тысяча. Впереди явно слышался тяжелый шум несущейся бешеной воды. Женщины первыми бросились на берег и упали ниц во влажный ил. Прыгулька с Веселькой оправилась от испуга и, как обычно, радостно запрыгали, с удивлением глядя на поверженных мамок. Землевед с Камнебоем спокойно зачалили плот.

– Бойтесь... Курзыц увидели... Да встаньте же из грязи! – вскричал Землевед. – Ему нет дела до вас. Все его боятся, хотя раньше никто не видел. А я видел! Хоть и не такой огромный, но страшнее. Не верьте глупым сказкам! Вставайте, я расскажу вам, что видел.

Женщины сели на корточки, все расположились лицом к Землеведу, затылком к жутким утесам.

– Сядьте лучше! Мамаша, сядь на этот камень и посади малышей на колени, чтобы не скакали. Я хочу, чтобы все выслушали внимательно. Что, по-вашему, у меня в нашейном мешочке?

– Палец деда?

– Клок волос бабушки?

– Горсть родной земли?

– Шило?

– Нет, это не шило, – ответил Землевед, снял мешочек, развязал его и достал зеленый прозрачный кружок. – Смотрите!

– Курзыц! – воскликнул Остроглаз и отскочил.

– Курзыц... – обреченно прошептала Мамаша, снова закрыв глаза руками.

– Курзыц, курзыц! – радостно закричал Приеммыш. – Дай подержать! Ой, тут какие-то знаки!

– Сможет ли человек сделать такое, будь он хоть трижды Камнебоем? Есть ли в природе такой прозрачный камень? Могла ли природа сотворить такое?! А что тут за тайные знаки, кто-нибудь знает ответ?! Я видел похожие знаки на скале на подъеме к горе предков, но никому не говорил про них. Чьи знаки, кто их высек? Я ношу этот курзыц на шее уже два года и, как видите, здоров и ничем не одержим.

– Отец, ты одержим далекими странствиями, – возразил Остроглаз.

– Не одержим, а привержен. Так что все страшные сказки про курзыц – козлиное дерьмо. Нет в нем ничего страшного. В нем есть тайна, и эта тайна куда глубже и важнее страшных сказок. И мы ее должны разгадать.

– У тебя есть хоть какие-то догадки? – спросил Камнебой.

Есть, но они слишком странные. Два года назад я ходил далеко на восток, за следующий хребет, что в восьми днях пути. Именно там я нашел этот маленький кружок. Там плохо, но интересно. Там редко идут дожди – они все выпадают в наших горах и на западном склоне того восточного хребта. Там чахлая растительность – сухие кусты с маленькими листьями, и надо долго искать воду – большинство русел давно пересохли. Зато там много окаменевших костей – тонких и толстых, как ноги носорога. Я находил даже окаменелые костяки рыб, хотя откуда им там быть? И однажды я за восточным хребтом на берегу высохшей реки нашел курзыц размером с большой шалаш. Он был каменным, темно-бурым. Но он был совершенно одинаковым с двух сторон, камни такими не бывают.

– Как это с двух сторон? – спросил Остроглаз.

– Сядь на четвереньки, обопрись на локти. Вот так, ты одинаковый с правой и левой стороны. И курзыц так же. А если смотреть сбоку, то он выглядел вот так (Землевед нарисовал пальцем на песке контур: трапецию с закругленными углами и двумя кружками снизу) – тут у него снизу по бокам, где у тебя колено и локоть справа, – два круга, тоже каменные, но другого цвета – почти черные. На кругах с внешней стороны – равномерный узор: продольные и поперечные борозды, посередине – круглый выступ. Слева, где у тебя локоть, был такой же третий круг точно напротив этого, и кажется, напротив вот этого, там, где у тебя левая нога, был четвертый круг, присыпанный галькой с глиной. Ладно, встань! Мне показалось, что курзыц вначале не был каменным. Он раньше состоял из чего-то другого, не из камня, а потом был затянута песком с илом и превратился в камень. Потом вода размывла песок, и каменный слепок оказался снаружи. Я думаю так потому, что видел каменные деревья – лежащий ствол, стоящий

пень с корнями – я видел их там же. То были точно деревья, на них были видны сучки, кора, даже кольца, и точно каменные – звучали при ударе, как камень, я даже отколол кусочек.

С левой стороны в одном месте камень курзыца был рыхлым. С помощью крепкой сухой ветки я расковырял выемку и вдруг наткнулся на что-то твердое и начал аккуратно расчищать твердый предмет... Он оказался костью, я стал расчищать дальше – то была рука человека! Окаменевшие кости предплечья. Я расчистил до кисти руки – она была на месте и как будто держала кусок большого кольца.

– О, ужас! – сказала Мамаша. – Курзыц поглотил человека!

– Я тоже сначала так подумал. Потом засомневался: а зачем его рука держит кольцо? Не знаю. Я говорю, это тайна! Человек, чей скелет я там нашел, – кто он? Наш предок? То ли он создал курзыц, то ли стал его жертвой? А если курзыц создали люди, значит, они были могущественней, чем Природа, чем духи предков! Где они! Мы должны их найти или хотя бы их следы. Почему мы до сих пор не видим других людей? Куда они делись? Давным-давно, до нас, в мире происходило что-то недоступное нашему уму. Разве это не главная тайна?

– Отец, пока мы сидели в своей долине – все в жизни было просто, – заговорил Остроглаз. – Тут мы, а за хребтом враги. Здесь наша деревня, там – речка, в ней рыба, дальше – ореховая роща, за ней – пастбища с нашим скотом, за пастбищами – болото с крокодилами, саванна и лес, там – дикие антилопы. Живи и живи: все просто, все понятно, все известно. А теперь? Где враги? Откуда исходит опасность? Куда девались крокодилы и каких зверей мы встретим завтра? Что за страшилище стоит за моей спиной? Ты сам задаешь вопросы, на которые нет ответа! Зачем нам такой мир, который треплет и терзает душу? Зачем мы покинули дом? Ты убедительно говорил про уголок и про весь мир. Но давайте все-таки поскорее найдем тот уголок, осядем, и тогда можно спокойно думать о тайнах мира.

– Что с тобой, сын? Ты же у меня смелый воин! Почему же ты испугался простой неизвестности, ты ведь не боялся сильного врага? А неизвестность, она разве враг? Тайна, она разве несетя на тебя с копьём? Приемьш, молчи, потом скажешь! Может быть, тайна – наш друг? Может быть, разгадав ее, мы станем сильнее и счастливее?

– Может быть, а может не быть. Мне важна определенность!

– Сын, у нас и так есть полная определенность – мы все помрем. Ты хочешь большей определенности – знать, что с тобой произойдет до того? Ну уж нет – жизнь потеряет смысл! Сын, ты ведь в детстве любил неизвестность! Помнишь, как ты упрашивал, чтобы я взял тебя в поход за Западный Хребет? Наверное, ты просто устал. Сейчас мы немного отдохнем и пойдем вперед на разведку. И ты пойдешь – на сей раз я возьму тебя. Мне стыдно, что в тот раз я отказал тебе.

На разведку пошли Землевед с Остроглазом и неугомным Приемьшем. Камнебой остался с женщинами – не оставлять же их наедине с курзыцом, скалившимся за рекой. Когда разведчики спустились вниз по реке до гряды, они увидели источник шума: река сужалась и неслась вниз в каменном русле. Темная поверхность воды плавно изгибалась огромным гладким языком и разрушалась в пену и брызги ревушими отбойными валами, идущими наискось от краев теснины.

– Ну что, проскочим вдвоем? – спросил Землевед, глядя на сына.

– Почему вдвоем?! – закричал Приемьш. – Вы на веслах, я на руле.

– Я тебе говорил: учись плавать! Когда научишься, тогда и возьмем на стремнину.

А Остроглаз смотрел на кончик языка водной лавины. В его глазах вдруг зажегся огонь – тот самый огонь костров древних предков.

– Проскочим! – ответил он. – А если попадем точно в середину языка, то даже не замочимся, только подпрыгнем.

– Проскочим. А ты, – Землевед обратился к Приемьшу, – залезай вон на тот бугор за обрывом, и будешь нам махать, куда грести, чтобы попасть точно в середину.

С плота убрали все, что могло быть смыто водой. Землевед с Остроглазом отчалили и изо всех сил налегли на весла, чтобы попасть на середину реки. Плот оказался слишком тяжелым, а течение – слишком быстрым. Гребцы почти ложились, упираясь. Приемыш орал, подпрыгивал и махал изо всех сил двумя руками, будто заклиная воду, чтобы вынесла плот к центру. Не успели... Природа воды на сей раз не выручила. Плот врезался в косой вал, встал на дыбы, перевернулся и исчез в бурлящей воде, в пляшущей пене вместе с пловцами. Приемыш орал, носился по берегу, размахивал руками. Наконец он увидел перевернутый плот – без Землеведа и Остроглаза. Приемыш сел и завыл, но вскоре вскочил, увидев голову шагах в пятидесяти от плота. Потом появилась вторая голова, где чья – не разберешь. Приемыш видел их, и они его, но друг друга и плот они видеть не могли из-за беспорядочной пляски волн с пеной. Приемыш бежал по высокому берегу, орал, хотя его крик тонул в реве и шипении воды, махал одной рукой и показывал другой на плот. Оба пловца поняли его и один за другим выбрались на скользкие бревна. Что дальше? Их быстро несло по течению без весел, Приемыш все бежал по берегу, плот все несло, и что делать? Вдруг Приемыш стал опять энергично жестикулировать и показывать на воду. Остроглаз прыгнул с плота и поплыл. Там бултыхалось одно из весел. Жизнь почти наладилась. Отец и сын, по очереди орудуя одним веслом попеременно с двух сторон, в конце концов подогнали перевернутое сооружение к берегу. Как ни удивительно, плот оказался совершенно целым. Вязали на совесть.

– Ну вот и первое настоящее приключение, – сказал Землевед. – Меня мотануло вниз, а потом крутануло несколько раз, я долго не мог понять, где верх, куда выплывать.

– А меня тоже крутануло и так ударяло пару раз водой, что живот к спине прилипал, – добавил Остроглаз.

– Дураки мы с тобой, дураки... Чего нам стоило протащить плот вверх вдоль берега на тысячу шагов, и отплывать с запасом – прекрасно проскочили бы по языку. Однако нам еще предстоит перевернуть плот – настил-то и сучья для весел остались снизу. Так что приключение не закончилось – еще поаедемся.

– Я знаю, как его перевернуть! – закричал Приемыш.

На следующий день, когда все пожитки были перенесены по берегу к перевернутому плоту, путешественники взялись за непривычную инженерную задачу. Женщинам поручили сплести новые длинные веревки из подручной растительности. Плот зачалили и развернули вдоль берега на глубоком месте, используя каменный якорь. Поперек плота привязали три длинных прочных жерди, так что их далеко выступающие концы смотрели на реку. К дальним концам жердей привязали веревки. На берег сложили груды увесистых камней. С берега на плот перекинули мостки. И началось!

Остроглаз с Камнебоем быстро, камень за камнем, грузили ближний край плота. Плот начал накрываться – дальние концы жердей поднялись над водой. Землевед и Красотка натянули веревки – мостки погрузились в воду, но продолжали удерживать плот против натянутых веревок.

– Сюда, на веревки! – прокричал Землевед. – Запевай! Все схватились, даже Веселька с Прыгулькой схватились за концы, и потянули с тягловой песней, взывающей к помощи воздушного носорога, небесного быка, подводного бегемота и подземного крокодила. Жерди поднялись, плот встал почти на ребро – камни упали, мостки оторвались, настал решающий момент.

– Сильней! – заорал Землевед.

Все вдевятером поднажали и преодолели критический крен. Дальше плот пошел сам – перевернулся, жерди ударили по берегу, чуть не пришибив юркого Приемыша, с треском обломались. Махина, с шумом накренившись несколько раз туда-сюда, успокоилась под радостные возгласы.

– Неужели мы поплывем дальше, так и не облавив курзыц?! – Я придумал, как перевернуть плот и я требую: мы должны пойти и посмотреть, что там!

– Да, малыш, ты вырос, – ответил Землевед. – Когда отплывали, ты не доставал мне до подбородка, а сейчас уже вровень с моим носом. А главное, ты вырос сегодня. Будем считать тебя взрослым. Пышных обрядов посвящения в мужчины устраивать не будем. Вместо этого идем завтра на курзыц!

– Он все равно еще мал, – возразил Остроглаз.

– И ты сегодня вырос! – сказал Землевед сыну. – Поэтому идешь с нами!

– А кто же останется с женщинами? – спросил Камнебой. Уж он-то точно должен был идти.

– Я останусь с женщинами! – гордо подняв голову и ударив себя в грудь, провозгласила Запевала.

С утра путешественники переплыли на правый берег, разбили лагерь, и четверо мужчин отправились к загадочной гряде, от которой их вместе с плотом отнесло на несколько тысяч шагов. Путь шел по ровному плато над крутым склоном речной долины. Солнце поднялось и нагрело камни, отчего пейзаж дрожал в сизом мареве, в котором постепенно прорисовалось непонятное.

Со стороны нижнего течения все выглядело по-другому. Гряда снизу обрывалась серой ровной стеной, идущей поперек долины, до проема, через который прорывалась река. Прямо под стеной раскинулся зеленый болотистый луг с пасущимися антилопами, он тянулся вдоль правого берега, постепенно сужаясь по мере того, как река вниз по течению приближалась к правому склону долины. А над стеной на уступе гряды тянулось нечто такое, для чего в языке крацз не существовало слов, – то ли завал, то ли бурелом, но вместо древесных стволов там были навалены удивительные серые скалы – плоские с двух сторон; обломанные по краям; гладкие с четырех сторон с ровными ребрами; обломанные с концов. По краям уступа стояли ровные с двух сторон скалы, похожие на остатки огромных стен, обрамлявших серо-буро-зеленый хаос. Местами серые скалы лежали рядом, как бревна поваленного частокола. Между обломков росли кусты и деревья. А повыше на гряде вместо растительности лежали огромные бурые рассыпающиеся коряги, в расположении и форме которых угадывалась закономерность.

Это был странный хаос. В нем прослеживался порядок – исчезающий, разрушающийся порядок. Глазам хотелось этот порядок восстановить: выстроить бурелом, надставить обломанные стены, восстановить и ровно поставить разрушенные коряги. И тогда, казалось, возникло бы нечто грандиозное и прекрасное... Но воображение не могло справиться с этой задачей – слишком сильно все поломалось, перемешалось и сгнило. Хаос оставался хаосом, несмотря на все потуги фантазии.

Верх гряды, поросшей колючим кустарником, был плоским, он шел вровень с плато, раскинувшимся над долиной. Перед тем, как выйти на гряду, путешественники пересекли ровную пустошь, почти лишенную растительности. Что-то на этой пустоши показалось странным, но она не удостоилась внимания, поскольку Приеммыш обнаружил впереди нечто интересное:

– Смотрите, – заорал он, держа в руках коричневый диск, – там таких много! Есть расколотые – изнутри они белые, вот, смотрите.

– Ну-ка, – ответил Камнебой, – интересный камень.

Он чиркнул два осколка дисков друг о друга – О, как хорошо искры высекаются, лучше, чем из кремней.

– Смотрите, а вот такой же прозрачный.

– А вон ребристое коричневое бревно из камня. Ух, какое тяжелое! Тоже белое на сколе.

– Давайте спустимся ниже, к тому каменному завалу.

– Смотрите, тут вся земля усеяна этими коричневыми кругами!

– Давайте еще спустимся, вон слева есть спуск!

Тут снизу раздался крик Приемьша, который спустился первым:

– Там змеи торчат из камня и шевелятся! Вон там!

Все собрались на крик.

– Нет, они не шевелятся, тебе померещилось, – сказал Камнебой. – Но лучше к ним не приближаться на всякий случай.

– Они скорее похожи на одеревеневшие лианы, – предположил Землевед. – А ну-ка, Остроглаз, швырни в них камнем. Вон в ту, справа.

Остроглаз не подкачал. Раздался резкий, не похожий ни на что звук, камень отскочил в сторону, и изогнутая «змея» закачалась, с нее посыпалась бурая труха.

– Да-а-а... Крепкая гадина... Я думаю, не живая, можно подойти, не укусит. Мы пойдем с Камнебоем, вы стойте здесь!

Камнебой с Землеведом осторожно подошли. На той «змее», с которой осыпалась труха от удара камнем, виднелись мелкие поперечные ребрышки. Землевед, помедлив, дотронулся до нее и тут же отдернул руку:

– Горячая! Точно не дерево... И не камень – он бы обломился от удара.

– А что еще есть на свете твердое, кроме дерева и камня? – спросил Камнебой. – Кость, разве что, или рог? Но это ни то, ни другое! Да, горячая, но терпеть можно. Дай-ка я попробую...

Камнебой уперся ногами и изо всех сил потянул на себя «змею». Та поддалась...

– Смотрите! Я согнул ее, она так и осталась согнутой – дерево всегда возвращается назад, если не ломается. А ну-ка, попробую я ее назад. О, пошла легче! Еще сюда, сильнее! Поддается, гадина! Еще!

«Змея» обломилась. Все сбежались и стали изучать. Обломанный конец оказался серым, блестящим.

– Это что? Тяжелая, гадина. Точно не камень.

– Смотри сюда, блестит. А если здесь потереть?

Камнебой поскреб «змею» осколком коричневого диска – она и там заблестела.

– Не камень... Тяжелей камня и крепче – такой длинный камень сразу бы сломался. Да еще блестит. Такого не бывает. Курзыц, однако...

– Слушай, Камнебой, вот я ношу прозрачный курзыц два года, и он мне не вредит. А если мы возьмем этот прут с собой? А давай попробуем его выпрямить! Им же можно копать твердую землю, можно сделать тяжелое копьё на крупного зверя. Если его правильно заточить, им можно долбить дерево.

– Сейчас! – Камнебой положил длинный прут на два камня изгибом вверх. – Держи крепче за конец! – ударил по изгибу тяжелым камнем. – Вот, уже лучше, положим так, повернем так – держи!

Вскоре длинный прут, будучи выпрямлен, превратился в мощное грозное орудие и был вручен Землеведу.

– Завтра вернемся сюда и сделаем каждому по такому же! – заявил Камнебой.

– Смотрите! – кричал Приемьш. – Он упал вон оттуда!

Сверху, где сходились ровные грани серой скалы, не хватало огромного куска. Из откола торчали такие же «змеи», на одной из которых висел такой же серый камень.

– Да, эта глыба свалилась оттуда. Кажется, недавно. Вот еще обломки. Свежий скол, он светлее старой скалы, – заключил Камнебой.

– Давайте спустимся ниже – там что-то интересное, – предложил Землевед.

Карабкаясь вниз по каменному бурелому, они добрались до плоского дна, заваленного обломками и покрытого кучами бурой трухи.

– Мне кажется, вся эта труха раньше была чем-то крепким. Просто все сгнило. Сгнило, как тело человека или зверя, как мертвое лежачее дерево.

– Сюда! – вскричал Землевед. – Тут круглая пропасть!

Он стоял у края круглой воронки шагов тридцать в поперечнике. Ее склоны были засыпаны вездесущей бурой трухой с зелеными натеками. В центре воронки зияла круглая пропасть поперечником шагов пятнадцать, ее дно скрывалось глубоко во тьме. Землевед швырнул в пропасть увесистый камень. Камень летел долго, ударился глухо и еле слышно, раздался шорох осыпающейся трухи, потом что-то ухнуло и через некоторое время из пропасти всплыло облако бурой пыли. Но никого не охватил ужас – страх прошел и сменился непреодолимым любопытством.

– Здесь еще одна! – закричал Приемыш.

– А с этой стороны – тоже, – отозвался Камнебой. – Эти дыры идут друг за другом ровным рядом.

– Что там за зелень в воронках? Вон, чуть повыше я видел много такой зелени. Там до нее проще добраться. Давайте поднимемся, посмотрим, – предложил Землевед.

Поднявшись по наклонной плите, исследователи вышли на ровную поверхность, где лежало нечто, размерами и формой напоминавшее хижину вождя племени. Сверху на крыше лежали коричневые ребристые бревна, подобные тем, что уже находили, только потолще. Камнебой ударил своим тяжелым прутом в бурую рыхлую стену, обвалив ее. За ней открылась следующая стена в зеленых натеках. Камнебой начал с азартом ковырять эту стену и соскребать с нее нечто бурое, вязкое. Вскоре его орудие уперлось во что-то твердое – оно оказалось красноватым, блестящим. Когда расчистили кусок величиной с ладонь, стало ясно, что блестящее красноватое идет полосами шириной с ноготь, ровно уложенными друг возле друга. Трое взрослых во всю прыть, сменяя друг друга, продолжали расчищать поверхность, двигаясь вдоль красноватых полос. Приемыш с помощью тонкого осколка прозрачного курзыца расковыривал зазор между полосами. Камнебой, сказав «Сейчас!», взял свой длинный тяжелый прут, положил концом на камень, попросил Остроглаза подержать другой конец. Затем стал бить по концу другим камнем, расплющив его. Потом воткнул расплющенный конец в щель между полосами, которую расковырял Приемыш.

– Ну-ка, вдарь камнем! – попросил он Остроглаза, показав взглядом на свободный конец прута.

Когда после нескольких ударов прут вошел в щель, Камнебой отогнул своим орудием красную ленту вверх, немного вытянув ее, потом вниз, потом ударил по ней несколько раз и порвал. Лента шириной в ноготь и толщиной в полногтя неплохо гнулась. Камнебой с Остроглазом освободили кусок ленты длиной в размах рук и отломали его, перегнув туда-сюда несколько раз.

– Я знаю, что с ней делать! – вскричал Остроглаз. – Браслеты нашим женщинам на ноги и на руки – надо нарубить ленту на куски и согнуть в кольца. Женщины сами этого захотят.

– Не боишься крепких объятий с такими браслетами? Так, глядишь, всю спину расцарапают! У Красотки знаешь какая силища порой просыпается!

– Ради женской красоты и потерпеть можно! Зато по таким украшениям сразу видно сильного доброго мужа!

– Ты перед кем хвастаться собрался? Передо мной, Камнебоем или Приемышем? А пожалуй, эта лента нужна не только для женских запястий. Веревки, которые держат плот, почти перетерлись на мелях. Я удивляюсь, как он не рассыпался, когда мы с тобой на нем вчера кувыркались. Надо отмотать длинные ленты – они, мне кажется, идут кругом и переходят от витка к витку. Скрепим плот ими. Камнебой, что думаешь?

– Думаю, скрепим. А если сделать петлю и закрутить ее прутом, то можно туго затянуть.

– Соберем длинные ленты завтра. А сейчас по пути к стоянке посмотрим, что сверху над долиной, где начинается гряда, на ровной голой пустоши. Там я видел что-то непонятное.

Голая пустошь была унылой и странной. Ровное твердое пространство, продуваемое ветром, без растительности, а на нем продолговатые темные пятна, расположенные как будто аккуратными рядами. Кто их так старательно наляпал? Пятна состояли из спекшейся трухи разного цвета – бурой, рыжей и черной по сторонам.

– Что-то мне немного не по себе, – сказал Землевед. – Эти пятна по размеру и форме сродни каменному курзыцу, что я нашел за восточным хребтом. Если бы он не окаменел, а сгнил – получилось бы такое пятно. Надо посмотреть, нет ли там человеческих костей...

Костей не было. Были мелкие прозрачные камушки-осколки. Если поковырять, обнаруживались кусочки тонкой корки – белые, серые, черные, синие – в каждом пятне своего цвета. Кое-где в трухе прятались тяжелые куски, не успевшие сгнить. И еще находились маленькие белые «пальчики» – по несколько штук в каждом пятне.

– Смотрите! – вскричал Приеммыш. – Вот что я откопал!

Он держал в руке что-то круглое, вытянутое, прозрачное – несомненно, курзыц!

– Отец, покажи то, что у тебя в нашейном мешочке!

Край предмета, найденного Приеммышем, тот край, на котором он мог стоять, был похож на маленький кружок, который Землевед так берег два года. Только знаки там были другие. находка Приеммыша оказалась первым и единственным курзыцом, чье назначение быстро разгадали. Уже на следующее утро гордый отрок нес в нем речную воду и демонстративно отхлебывал по пути.

Экспедиция вернулась задолго до заката. Остроглаз оказался провидцем: Красотка с Запевалой бросились к красной ленте, взяли ее за концы и стали восхищенно рассматривать.

– Камнебой, сделай мне из нее браслеты! – с обворожительной улыбкой сказала Красотка.

– А ты не будешь ими царапаться?

– Нет, не буду, что ты, как можно тебя такого сладкого царапать? Всеми духами клянусь, не буду!

– Эй, Запевала, тебе тоже браслеты сделать?

– Да ну их, тяжелые, только мешаться будут. Подожди... Слушай, Камнебой, сделай мне из красной ленты венец антилопы!

– Что-о-о?!

– Вот так согни обручем на голову, но не замыкай, а вот отсюда с затылка концы подними вверх, загни дугой, как рога, и направь немного вперед. И еще протри, чтобы блестел.

– У антилоп рога назад смотрят.

– А я буду антилопой с рогами вперед! Так красивее и грознее.

Камнебой выполнил заказы до ужина, когда солнце еще не село. Красотка надела свои браслеты, а Запевала со своим венцом вскарабкалась на скалу, встала, выставив одну ногу и сама подавшись вперед, надела венец, выставила перед собой руки, согнув в локтях и запястьях, и прокричала: «Я антилопа!» И это было зрелище! Легкая, длинноногая, красно-золотистая – сама под цвет рогатого венца, заблестевшего на предзакатном солнце. Все уставились, открыв рты, а Остроглаз только и выдавил:

– Надо же, я и не думал, что она у меня такая красивая...

А Красотка весь вечер дулась и не разговаривала с Камнебоем.

На следующее утро экспедиция направилась к тем самым странным утесам, по которым путешественники издалека распознали Большой Курзыц. На сей раз зашли по берегу выше по течению и спустились по склону долины к шести утесам – высоким и ровным. Между ними зияли раздваивающиеся пещеры – широкие, уходящие вниз, в полумрак. Оттуда тянуло холодом, сыростью и неведомой жутью. Камнебой кинул вниз булыжник, камень долго скакал по крутому склону пещеры с нарастающим гулом – удары камня дробились, усиливались. Камень затих, но тут же раздался хоровой писк и шум. Он быстро усиливался до оглушительного

и невыносимого гвалта – из пещеры вылетела туча крыланов, сделала два круга и втянулась назад в пещеру с затихающим гвалтом, переходящим в шорох.

Путешественники, пожившись, ушли от греха подальше на поиски добычи в более теплых и светлых местах.

Они никогда раньше так не страдали от чудовищной бедности своего языка. Тяжелый серый прут; красная тяжелая лента; прозрачный плоский слой; плоский каменный слой; коричневый диск; ровная скала с ровными углами; круглый провал; бурая труха; зеленая труха; то, во что можно наливать воду; липкая чернь; коричневый жир. Они так и не смогли поименовать все, что принесли из интересного жутковатого места, которому не смогли придумать лучшего названия, чем Большой Курзыц. Вообще говоря, их язык не был убогим. В нем была масса оттенков для выражения чувств, особенно ярости – 25 синонимов; множество слов для обозначений оттенков цветов (28) и естественных форм (46 слов); для разновидностей дождя (21 слово). Но он был ужасно беден во всем, что касалось геометрически правильных объектов сложнее круга, шара и треугольника, и полностью немел перед новыми находками. Тем не менее, некий выход нашелся сам собой.

Мамаша наблюдала, как Прыгулька с Веселькой играют с коричневыми дисками, безуспешно пытаясь сложить их в стопку.

– Что это у вас такое? – спросила она.

Прыгулька протянула ей один из дисков и ответила:

– Это зыла.

– Ну что же, пусть будет зыла. Эй, Камнебой, знаешь, как твои коричневые круги называются? Так знай, «зыла» – замечательное название, прямо точь-в-точь подходит.

– И правда, похоже, хотя слова такого отродясь не слышал. Пусть будет зыла.

– Эй, Приеммыш, – крикнула Мамаша, – иди-ка сюда! Вот то, что у тебя в руках, как оно называется?

– Не знаю... То, во что наливают воду... Не кувшин, а другое, прозрачное с узким горлом.

– Разве это имя? Ну-ка, дай его Весельке, пусть скажет, как он называется на самом деле.

– Веселька, как называется эта вещь?

– Не знаю, надо сначала поиграть с ней.

Веселька побежала к реке, набрала воду, прибежала и полила травинки, которые тем временем посадила в песок Прыгулька. Затем, сбегав еще раз за водой, сообщила:

– Тулб, он называется тулб.

– Эй, Приеммыш, слышишь, в чем ты теперь будешь таскать воду почему зря?

– В тулбе... Да и правда, тулб, похоже. Зная, в чем носишь воду, приятней носить!

– А ты, Землевед, что ты носишь с собой повсюду, с чем, чувствую, скоро будешь спать вместо меня? Что это за тяжеленная длинная штуковина? Ну-ка, покажи ее малышам!

– Прыгулька с Веселькой долго ошупывали, обнюхивали, скребли тяжелый прут Землеведа. Для игр он был слишком тяжел, но вызывал у малышей уважение, достигающее до благоговения.

Наконец Веселька с придыханием сообщила:

– Зандын!

– О, мне нравится, – отреагировал Землевед. – Сейчас возьму зандын и отковырну им ту глыбу. Звучит! Как у них это получается? Почему мы не можем придумать имена для новых вещей, а у них от зубов отлетает? Будто дышат новыми словами.

– У нас с тобой мозги костяные, а у них – травяные. Растут и шевелятся.

– Ну да, они же учатся говорить, узнают по несколько новых слов в день. Что им стоит выдумать еще парочку?! А знаешь, что я думаю, Мамаша, сейчас я соберу всех и пойдем учиться плавать. Кувырнулись один раз мы с Остроглазом, а если бы не успели пристать

и кувырнулись все вместе?! Сколько бы нас осталось после этого? Кто знает, что еще ждет впереди. Тебя в первую очередь научу – ты у нас самая ценная.

– А я умею плавать.

– Как?! Как, с каких пор? Я с тобой больше двадцати лет живу – никогда не плавала!

– Плавала. Просто ты со мной на речку ни разу не ходил. И здесь на реке плавала – ты же сразу, как приставали, исчезал – то охотиться, то дрова собирать. Ни разу не искупался со мной!

– А кто же тебя плавать научил? Где, когда?

– Давным-давно, когда я девочкой была. Сначала старшие подруги научили, потом лягушки.

– Лягушки?!

– Да, они. Я долго наблюдала, как они плавают, и попробовала так же дрыгать ногами. И получилось! А руками научилась разводиться в стороны – само получилось. И так хорошо оказалось!

– Сейчас посмотрим! Эй, Камнебой, Запевала, Приеммыш, все-все – идем учиться плавать! Ты, Остроглаз, помогать будешь! И малышей берите. Идем в заводь, где большой камень посередине. Пока все не научатся, дальше не поплывем! Вот, я уже здесь, идите-идите, Красотка, выше нос! Камнебой, как не стыдно – такой здоровенный – и не умеешь, давай-давай, потом доделаешь... Малышки, ну-ка, наперегонки ко мне! Смотрите. Сейчас мы с Остроглазом и Мамашей, если не врет, доплывем до того камня, потом назад. А вы смотрите, как мы плаваем. Потом сами поплывете. Ну, раздеваемся... Пошли!

Остроглаз с Землеведом шумно, с брызгами выбрасывая руки, наперегонки поплыли к камню. А Мамаша – за ними, тихо, без брызг и лишь немного отстав. Все трое вылезли на камень, прыгнули с него головой вперед и поплыли к берегу.

– Я хочу научиться как Мамаша, – заявила Красотка, – без шума и брызг.

– А брызги – красиво и весело! – возразила Запевала. – Я хочу и так, и так.

– Ну, кто следующий? – спросил Землевед.

– Я следующий, – ответил напряженный, закусивший губу Приеммыш. – Только, отец, плыви на всякий случай рядом со мной.

Землевед вошел в воду, Приеммыш за ним.

– Ну, пошел!

Приеммыш смело оттолкнулся на глубину и отчаянно заколотил руками по воде. Его голова то погружалась, то всплывала с вытаращенными глазами и ртом, хватающим воздух. Тем не менее он двигался, медленно, но двигался и уже преодолел первые пять шагов, как Остроглаз завопил с берега:

– Быстрей, сейчас сом за удилице схватит!

Приеммыш попытался было обернуться и огрызнуться, но не смог. Тем не менее, доза злости придала ему сил – Приеммыш замолотил руками еще сильнее, его поступательное движение немного ускорилось. Но такое движение требовало огромных усилий, и пловец начал выбиваться из сил на полпути до камня.

– Давай, хватайся за плечо – предложил плывущий рядом Землевед.

– Не... кх... ет!

Тем не менее усталость приглушила панику, и Приеммыш почти поплыл, но силы исчерпали. В трех четвертях пути Землевед все-таки взял Приеммыша за руку.

– Отдохни!

– Зде-е-есть. Не двигаемся!.. Ну хватит, отпускаяй.

Отдышавшийся Приеммыш довольно легко преодолел оставшуюся четверть.

– Сиди на камне и отдыхай! Камнебой, твоя очередь. Мне плыть рядом?

– Не надо, сиди на камне.

Камнебой набрал воздуха в грудь, смело оттолкнулся и исчез под водой. Вскоре его голова показалась шагах в пяти, он сделал вдох и погрузился по макушку, гребанул и проплыл под водой, снова поднял голову и вдохнул, еще раз сделал гребок руками под водой, потом решил попробовать по-другому, выкинул сначала одну руку из воды, потом другую и поплыл почти как Землевед с Остроглазом. Двадцать взмахов – и спокойный Камнебой сидел на камне вместе с Землеведом и синеватым Приемышем.

– Ты же умеешь плавать, что ж ты обманывал?

– Клянусь, никогда не плавал! Вот сейчас и научился.

Красотка потребовала подогнать плот:

– До камня далеко, мы не доплывем... Ну и что, что Камнебой с Приемышем – Камнебой сильный, Приемыш бешенный, а мы слабые и тихие – утонем, вы и не заметите, гоните плот в заводь!

К закату, когда все уже умели плавать и когда все уже поели, народ у костра потребовал сказки.

– Мамаша, давай, ты у нас лучше всех рассказываешь!

– Ну ладно. Сегодня тут нас кто-то плавать учил и научил. Тогда я расскажу, как страус человека учил летать.

– Но ведь страус сам летать не умеет, – отозвался Приемыш.

– Не умеет, но учить-то – не летать! Так вот. Идет страус как-то по саванне, смотрит, на бревне сидит человек и плачет. «Ты чего пригорюнился», – спрашивает страус. «Да вот тоска заела – орел умеет летать, цапля – умеет, крылан – прекрасно умеет, курица – и та через плетень перелететь может, а я – нет, вообще никак не умею». Отвечает ему страус: «Успокойся человек, я вон тоже летать не умею, но не сижу на бревне посередине саванны и не плачу». А человек в ответ: «Зато ты, страус, умеешь быстро бегать, а я – только медленно. И к тому же, я летать хочу, а тебе все равно». «Нет, – говорит страус. – Мне не все равно! Просто у меня есть смирение, а у тебя его нет. Ну да ладно, я научу тебя летать».

И страус рассказал человеку, как надо: «Давай пойдем на берег реки, видишь, там песчаный обрыв. Разбегись, расставь руки в стороны, оттолкнись и кричи: „Я лечу!“». Человек так и сделал, но только он прокричал «Я лечу», тут же и упал в песок и расцарапал коленку. «Ты меня обманул, – сказал человек. – Разве это полет? Вон, только коленку расцарапал». «А что же, как не полет? – отвечал страус. – Ты летел не меньше, чем курица, которая перелетает забор. Чтобы летать выше и дольше, надо затратить больше труда».

И страус объяснил человеку, как лететь выше и дольше: «Сделай два крепких лука, натяни тетивы, чтобы древки сильно согнулись. На каждый лук между древком и тетивой натяни кожу молодого барашка. Снизу приделай петли для рук». Человек так и сделал и через три дня встретился со страусом. «Иди на тот высокий холм, – сказал страус, – проденешь руки в петли, луки станут тебе крыльями. Разбежись и прыгнешь с крутого склона и полетишь как птица». Человек так и сделал. Он полетел, успев три раза прокричать «Я лечу!», но такие маленькие крылья не смогли поднять его, человек начал быстро снижаться и упал у подножья холма. Встал весь в синяках и царапинах и говорит: «Ты недоучил меня. Я летел, но недолго, разве это как птица?»

«Чтобы летать совсем как птица, надо затратить еще больше труда. Возьми две длинные гибкие жерди, крепко свяжи их посередине. Сплети прочную тетиву семь шагов длиной и натяни огромный лук, так чтобы древко сильно-сильно согнулось. Натяни еще тетивы и поперечные веревки между ними и древком, обтяни их все кожей молодых барашков, крепко сшей кожи друг с другом. Снизу привяжи веревки, а к ним пояс. Получится огромное крыло, оно удержит тебя». Человек так и сделал и через три луны встретился со страусом. «Иди на ту высокую гору, – сказал страус. – Там потуже завяжешь на себе пояс, поднимешь крыло над головой, разбежись, прыгнешь с обрыва и полетишь как орел». Человек так и сделал. Он

и правда полетел как орел, ветер поднял его высоко-высоко, он много раз кричал «Я лечу», долго кружил над саванной, потом стал спускаться, но опустился на землю слишком быстро и сломал ногу. «Вот я и научился летать! – воскликнул человек. – Правда, сломал ногу и теперь могу только ползать, но я же летел, значит, умею летать!». И ответил страус: «Знаешь, мне самому понравилось, как ты летал. Дай-ка и я попробую». Он подлез под крыло, взошел с ним на гору, разбежался и полетел. Он тоже высоко и долго кружил над саванной и много раз кричал «Я лечу». Но он тоже опустился на землю слишком быстро и тоже сломал ногу. «Ну вот мы и научились летать. Я выполнил свое обещание. Ну и что, что теперь ходить не можем. Чтобы не ломать ноги – в обещание не входило!» «Ладно, – сказал человек, – у каждого из нас есть по здоровой ноге. Давай держаться друг за друга, и пойдем к реке – пить хочется». И они пошли и долго еще так ходили обнявшись – человек и страус.

– Грустная сказка, – подытожила Красотка.

– Наоборот, веселая, – ответила Запевала. – Подумаешь, по ноге сломали – заживет. Я бы так согласилась – научиться летать за сломанную ногу.

– Смотрите сюда! – послышался крик Землеведа. Он стоял на скале высотой шагов в семь, нависшей над рекой. Оттолкнулся, прокричал в полете «Я лечу» и аккуратно вошел в воду вытянутыми руками вперед.

– Ты был точь-в-точь похож на летящего крокодила, – сказала Мамаша мокрому Землеведу.

– Сейчас проглочу, – откликнулся Землевед, изобразив руками распахнутую пасть.

– Ну иди сюда, дорогой мой, все-то ты у меня умеешь, и даже крокодилом летать... Дай-ка обниму тебя и согрею такого мокрого.

Настала пора двигаться дальше. Все обучены плаванию, Большой Курзыц исхожен, облазен, обшарен. Вся добыча аккуратно разложена на берегу:

– 15 тулбов разного размера;

– 12 зылов – коричневых и прозрачных;

– 5 толстых зандынов и 4 тонких;

– груды кусков бласа (прозрачного слоя);

– два больших мотка толстого зменда (красной тяжелой ленты) и два тонкого;

– 40 тунков (небольших белых «пальчиков» из того же материала, что и зылы);

– каменный цветок в виде чаши размером с живот (очень красивый);

– столь же красивый каменный крокодил размером с руку;

– еще 10 позиций более мелких, непоименованных вещей.

– Что мы будем делать со всем этим богатством? – спросил Остроглаз. – Мы не увезем и половины!

– Ты прав, давайте отбирать. Возьмем десять тулбов – полезная вещь, будем хранить в них чистую воду для питья – удобней, чем в кувшинах, которых у нас и нет с собой. Зылов достаточно и трех штук – надолго хватит для разведения огня. Зандыны берем все, это самая ценная штука – ей можно делать почти все. Блас можно использовать как нож, возьмем одну треть – несколько кусков. Зменд возьмем весь, хоть он и занимает много места, им можно крепить что угодно – хоть плот, хоть крышу. Попробуйте с Камнебоем аккуратно свернуть его. Тунки пусть возьмут малышки для игр, сколько хотят. Каменный цветок и крокодила оставим – они красивые, но бесполезные.

– Нет, давайте лучше прикрепим цветок на палке на носу плота! – предложила Красотка. – Будет красиво – мы на плоту и каменный цветок впереди!

– Будет еще красивей, если ты сама встанешь на носу, раскинув руки, просто загляденье!

– Крокодила, крокодила на нос! – вскричал Приеммыш. – Злых духов распугивать будем!

– Лучше сам встань на четвереньки и рычи на них...

Пока продолжалась подобная болтовня по поводу ростральной фигуры, Землевед с Камнебой сидели и грустно смотрели на вышперечисленную добычу.

– Ты думаешь, все эти вещи сделали люди? – спросил Камнебой.

– Не знаю. А кто их мог сделать, кроме людей? Духи? Ты когда-нибудь видел хоть одну вещь, сделанную духами? Наверное, люди. Может быть, наши далекие предки. Или какие-нибудь великаны.

– Но куда они делись? Почему почти все, что они создали, превратилось в труху? Они были могущественней духов, если могли создать такое, что мы не можем себе вообразить! Так почему всюду одна труха? Остались только вот эти жалкие крохи... – Камнебой кивнул в сторону груды, разложенной у берега.

– Да, это тайна. Наверное, она не для нашего ума. Но чутье подсказывает мне, что у этой тайны окажется плохая разгадка. Почему всюду труха, спрашиваешь? Потому, что ее оставляет за собой смерть. От поваленного дерева остается труха. От мертвого зверя остается труха. От каждого из нас после смерти остается пепел. Если умрет все племя – труха останется от всей деревни. Если племя не умрет, а уйдет, то умрет деревня – превратится в труху, но где-то возникнет новая деревня, новая жизнь. Если могущественное племя людей или великанов, которое создало Большой Курзыц, просто ушло – мы, может быть, найдем его где-то, найдем живым. Если то племя умерло, то мы не найдем никого, а будем снова и снова находить труху. Но мы все равно будем искать их, будь они хоть облаком, хоть ветром – все равно будем искать, правда, Камнебой?

4. Лицо на камне

И снова неторопливый путь по нескончаемой реке к заветному Северу. Песчаные берега, илистые берега, каменистые острова, косы. Снова ни малейших следов человека – ни живого, ни древнего. Ежедневные вылазки – и никаких следов. Знакомые звери, невиданные звери – огромные, горбатые, пасущиеся в степи; неслыханные птицы, поющие в зарослях; птицы, вылетающие из нор в речных обрывах, носящиеся над водой; неведомые деревья и травы, но никаких следов человека. Незнакомые вкусные фрукты – сладкие, с кислинкой, мягкие, тающие во рту, краснеющие на губах и щеках малышей, твердые сочные, хрустящие на зубах взрослых. И ни малейших следов – ни кострища, ни шалаша. И опять ропот:

– Землевед, сколько можно гоняться за ветром? – говорит Мамаша. – Мы устали! Мы все трое беременны, нас тошнит. Вон Запевалу вчера рвало весь день прямо на плоту, который скоро весь пропахнет нашей рвотой! Давай встанем наконец и обустроимся нормально! Родятся дети, окрепнут немного – и отправимся дальше за твоей тайной ветра.

Землевед взял кусок веревки, обернул вокруг себя, крепко завязал петлей.

– Ладно. Почти согласен. Вот петля, давай примерим, – Землевед надел петлю на Мамашу, как пояс, оттянул, просунул в зазор два кулака:

– Вот, даю слово! Как только живот хотя бы одной из вас не пролезет в эту петлю, мы останавливаемся. Или раньше, если что-то найдем. А пока плывем. Здесь нечего искать – здешний ветер не сулит ничего.

Временами шли короткие дожди, от которых прятались в маленьком шалаше на плоту. Но однажды в полдень на северо-западе все небо потемнело – не просто потемнело, а стало иссиня-черным.

– Скорей к левому берегу! – скомандовал Землевед.

Накрепко зачалили плот, сняли с него все ценные вещи и укрыли под деревьями. Мужчины бросились ломать жерди, женщины – рвать ветки с широкими листьями. В мгновение ока соорудили шалаш между двумя деревьями, сверху навалили веток, и тут грянул шквал с грохотом. Все забились в шалаш, прижавшись друг к другу – малышки тряслись, Красотка всхлипывала, Запевала схватила и обняла свой венец, скрутившись калачиком. К счастью, шквал прошел верхом, обломав толстые сучья старых деревьев, но не повредив шалаш. А после шквала хлынул небесный водопад, накатившая тьма озарилась непрерывными вспышками, грохот и треск вдавил головы в плечи – ох, как страшно! Куда страшней, чем грозы дома в начале сезона дождей. При этом вместо крепких хижин – хлипкий маленький шалаш, который тут же потек. И комок человеческих тел, который сверху прикрывали собой Землевед с Камнебоем. Вспыхнуло, затрещало и громынуло совсем рядом, и тут же снизу раздался вопль Запевалы.

– Что с тобой!

– Она уколола меня, сильно и больно! Антилопа больно уколола меня рогами! Она живая!

– Ну-ка, давай сюда свой венец! – закричал Камнебой. – Вот, сюда под ветки кладу. Не трогай, пока гроза не пройдет!

Скоро гроза прошла, ливень ослаб и превратился в затяжной дождь средней силы. Мужчины вылезли и стали снова ломать жерди, рвать ветки, наращивая и укрепляя крышу. Вскоре она перестала течь и наступил уют: там льет, там холодно и ветер, а здесь тепло и все рядом.

– Эй, эй, Запевала, ты чего к Камнебою прижалась? Ну-ка, двигай сюда.

– Мама, а оно больше не будет так страшно греметь?

– Эх, вытереться бы чем... Да все мокрое. Хорошо хоть тепло стало.

– Мамаша, вот сейчас бы в самый раз сказку. Выручай!

– И что вам рассказать, чтобы к месту? Про дом жирафа что ли?

– Да, да, давай про дом жирафа – самое время!

– Когда в саванне начался сезон дождей, когда одна за другой пошли грозы, один молодой жираф ходил по саванне и грустно ревел. «Ты чем недоволен?» – спросил встречный страус... Да, опять страус, он и в других сказках встречается... «Я хочу иметь свой дом! – ответил жираф. – Я не хочу мокнуть, я боюсь грома и молний, я хочу в дом!» «Ты же такой огромный! Такой высокий дом тебе никто не сможет построить», – страус задумался и стал ходить кругами вокруг жирафа. «Я придумал! – сказал страус. – Достаточно сделать дом для твоей головы. Ты засунешь в него голову – и тебе будет спокойно и уютно, а такой дом сделать просто – голова-то у тебя маленькая». Страус нарвал веток, поставил их шалашиком, покрыл корой, выдрал перо из своего хвоста и говорит: «Вот, отличный дом для твоей головы и украшение от меня в подарок», – и воткнул свое перо в крышу.

Закапал дождик, жираф опустил на колени и засунул голову в домик. «Ну как тебе в домике?» – спрашивает страус. «Очень хорошо, спокойно и уютно!» Жираф переждал дождик, вынул голову и пошел радостный пастись неподалеку. А потом пошел сильный дождь. Жираф снова сунул голову в домик и обрадовался, но потом у него намокла и замерзла шея. И сказал он страусу: «Твой домик хорошо спасает от слабого дождика, но при сильном дожде все равно мерзнет шея». Страус призадумался и сказал: «Надо надстроить твой дом, чтобы он защищал шею. Я не смогу это сделать, надо позвать павианов».

Павианы откликнулись на зов. Они наломали крепких веток и продолжили домик для головы, сложив их шалашиком в длинный-предлинный ход, такой же длинный, как шея жирафа, а сверху накрыли корой. И когда пошел сильный дождь, жираф опустил на колени и залез головой и шеей в новый дом. Ему стало хорошо, но тут хлынул ливень, загрохотало гроза. Туловище жирафа намокло и замерзло, и ему стало страшно. Переждав грозу, жираф вылез и стал грустно пастись неподалеку. «Что, опять недоволен?» – спросил страус. «Да, сначала было хорошо, но когда хлынуло и загрохотало, замерзло туловище».

Призадумался страус. «Тут павианы не помогут. Надо звать слона!». Он попросил павианов позвать слона, и они разбежались по саванне, чтобы найти его. Слон нашелся и согласился помочь несчастному жирафу. Он наломал толстых длинных жердей, составил их большим высоким шалашом, продолжив шейную часть дома, а павианы покрыли его корой. Так получился дом из трех частей: маленькая – для головы, средняя длинная – для шеи, большая высокая – для туловища.

И снова пришла гроза с ливнем. Жираф лег на брюхо и заполз в свой большой длинный дом. И было ему хорошо – тепло, сухо и не страшно. Потом гроза кончилась, выглянуло солнце, запели птицы, а жираф так и лежал в своем доме. «Ты чего лежишь, вылезай!» – сказал страус. «Мне и здесь хорошо, полежу еще немного», – ответил жираф. А потом, когда солнце стало палить изо всех сил, он как заревет! «Мне здесь плохо и душно, а я не могу выбраться, у меня поджаты ноги! Помогите!» «Надо позвать старого марабу, он поможет жирафу», – сказал страус.

И позвали старого марабу. Он сказал «Сейчас!», отошел на двести шагов, разбежался, взлетел и быстро-быстро полетел низко над землей клювом вперед. И прямо в зад жирафу. Тот взревел, вскочил, разметав далеко в сторону жерди, ветки и кору, потряс головой: «Как светло, свежо и свободно, и пусть меня умоет дождь и окатит ливень!» – вскричал жираф и весело побежал по саванне.

– Ну вот, дождь скоро кончится, мы разбросаем ветки шалаша и весело побежим по саванне, – подытожила Запевала.

Однако дождь шел весь остаток дня и всю ночь, то усиливаясь, то ослабевая. А наутро выглянуло солнце, запели птицы. Все друг за другом вылезли из шалаша, потягиваясь и протирая глаза. С деревьев все еще падали крупные капли, на берег пришлось выбираться через мокрые поваленные сучья. Зато речной простор был свежайшим и ярким, кое-где из зарос-

лей поднимался пар, солнце уже по-настоящему пригревало и сушило жалкую мокрую одежду счастливых путешественников.

– Смотрите, что там из леса торчит на том берегу! – закричал Приеммыш.

И правда, ниже по течению на правом берегу над деревьями возвышались толстые круглые столбы и полуразрушенные стены – много столбов и стен. Они были обломаны на разной высоте. Между двумя самыми высокими столбами лежала перемычка, на которой росли кусты. Кусты и даже небольшие деревья росли и на торцах столбов. Лесистая долина плавно поднималась от реки и заканчивалась обрывистыми горами с розовыми скалами – в их расщелинах зацепились кривые деревья. В одном месте под обрывом тоже выглядывали из кустов какие-то столбы и стены – на том берегу просматривалось что-то интересное.

– Еще один курзыц? – спросил Остроглаз.

– Не уверен, – ответил Землевед.

– Посмотрим? – спросил Камнебой.

– Посмотрим, конечно, посмотрим! – закричал Приеммыш.

– Ну ладно, пристанем к тому берегу, дайте только просохнуть и прогреться после вчерашнего.

Камнебой не оценил круглые столбы:

– Столбы сложены из плохого мягкого камня – из небольших блоков. Потому и обрушились. Их разломали корни деревьев. Вон та перемычка с кустами тоже скоро обрушится, удивительно, как она еще держится.

– Да, непохоже, что курзыц, – заключил Землевед. – Такое под силу человеку. Если собрать вместе тысячу камнебоев, они бы смогли соорудить эти столбы. А Большой Курзыц – хоть сто тысяч собирай, они бы не смогли сделать ни одного зандына, ни даже маленького тулба.

– Смотрите! – закричал Приеммыш. – Здесь всякие картинки! Вот человек высечен на камне.

– О, это мне больше нравится, тонкая работа, – сказал подоспевший Камнебой. – Только никак не пойму, что у него на голове такое большое – побольше, чем рога нашей Запевалы.

– Сюда, здесь человек с головой птицы, правда, зарос лишайником, но различить можно!

– А тут человек с головой зверя! С такой, как у тех, что к нам приходили. А вот еще с головой барана и головой льва. А вот человек с головой человека и еще один с очень красивой головой женщины! – прокричал Приеммыш.

– Я тебе покажу «с головой женщины!», – закричала в ответ Красотка, но чем ей это не понравилось, сказать не смогла.

Чем дальше от берега удалялись путешественники, тем сильнее все было разрушено, погребено почвой, сплетенными корнями, листвой. Валяющиеся камни с полукруглой стороной – куски столбов. Куски туловищ зверей, наверное, львов. Наконец они подошли к скалам, возвышающимся над долиной. Осыпи, большие обломки, мелкие обломки, и только по отдельным отесанным камням можно догадаться, что под этими осыпями тоже что-то погребено – что-то большое.

– Хватит, поворачиваем назад. Больше мы здесь ничего не найдем.

– Ну вот, мы видим: эти столбы и стены делали люди, похожие на нас, – заключил Землевед. – То, что некоторые с головами зверей, – это, скорее всего, сказки, высеченные сказки. Там в большинстве нарисованы люди, напоминающие нас. Но Большой Курзыц создал кто-то другой. Может быть, тоже люди, но совсем другие, умнее. Надо назвать как-то тех и других... Эх, малышки здесь не помогут! Этих можно назвать каменщиками – твои собратья, Камнебой, ты бы у них сразу стал мастером. А вторые... То, что они делают, непостижимо для нас! Зандыны в камне! Прочный и гибкий зменд! Прозрачный тулб! Одним словом, те, кто сделал курзыц, – курзы!

– Вот! Хорошее имя ты им придумал!

– Так кого мы ищем – каменщиков или курзов?

– Боюсь, ветра в небе. Ну, хотя бы следы, хотя бы труху и развалины. Может быть, они что-то расскажут нам о тех и других.

Постепенно речная долина становилась глубже и уже. Все чаще – крутые обрывы. В них – норки ярких птиц с раздвоенными хвостами. Исчезли песчаные косы, вместо песка – галька и булыжник. Все чаще – быстрины с белыми барашками. Путешественники останавливались не только на ночлег, но и днем, чтобы подняться из долины и оглядеться. Однажды трое мужчин (Остроглаз остался дежурить с женщинами), продравшись через заросли, выбрались на край долины, поднялись на пригорок и увидели вдалеке треугольные силуэты непонятных холмов.

– Интересные холмы, – сказал Землевед, – что-то мне подсказывает... Правда, далеко-вато. Сын, сбегай в лагерь, скажи Остроглазу и женщинам, что сегодня больше не поплывем. Пусть устраиваются на ночлег, пусть к вечеру готовят рыбный ужин. А мы подождем тебя здесь.

Они шли к треугольным холмам по луговому распадку – удивительно ровному и прямому. По сторонам тянулись невысокие гряды, заросшие плотным кустарником, в котором чирикали птицы. А там пошли те самые деревья с длинными иголками. Трава выщипана, посыпана козыми шариками – как на родном пастбище. Неужели где-то в тени деревьев дремлет пастух? Сейчас выскочит и закричит на незнакомом языке, сзывая соплеменников, чтобы убить чужаков. Но ни малейших следов жилья! Ни хижины, ни ограды. Свободный скот пасется сам по себе, как в саванне... Но тут не саванна. Тут трава сочнее, а деревья гуще и плоды на них вкуснее. Справа пошел серый каменный уступ – ровный и прямой. На него лезет этот самый... с вкусными желто-зелеными ягодами. Можно полакомиться, хотя ягоды уже сморщенные, но все равно сладкие, даже еще слаще. Из травы с шумными хлопками крыльев и криками поднялась стая птиц, улетела в заросли. Вкусные птицы, но не до них... Вдалеке в высокой траве мелькают светлые пушистые колечки. Те самые звери, что приходили к нам на стоянку? Куда-то исчезли...

– Смотрите, тут еще один распадок идет прямо поперек! – заметил Приемьш.

– Ты прав, но нам туда не надо – мы пойдем прямо.

– Я не о том. Смотри, поперечный распадок тоже прямой, хотя и поуже. И гряды, что идут поперек, прямые. Будто кто-то аккуратно насыпал эти гряды. А вон там будто насыпаны небольшие холмы ровной чередой.

– Ты прав, здесь всюду какой-то порядок. Аж немного не по себе.

Начался пологий подъем. Распадок все так же шел прямо, но в одном месте будто споткнулся – его пересекла рытвина, продолжающаяся направо и налево насколько хватало глаз. В одном месте из зарослей будто выглянул лев, но не живой, а как бы окаменевший. Или показалось? Проверять не стали.

Гряда, идущая по левую сторону распадка, кончилась, и открылся вид на те самые холмы. Там стояли три крутых неестественных холма: два побольше, один – поменьше. Все одинаковой формы – четыре плоских треугольных склона сходились наверху, образуя острую вершину.

– Давай на правый холм залезем – он повыше.

Сами холмы поросли небольшими кривыми деревьями с иголками. При ближайшем рассмотрении оказалось, что их склоны ступенчатые: каменные ступени по пояс высотой, где-то расколотые, где-то выщербленные, где-то присыпанные почвой и обхваченные узловатыми корнями пахучих деревьев.

– Да, такое не Природа нагромоздила, тут люди попотели, каменщики, – заключил Камнебой, карабкаясь по ступеням. – Камни плохие – рыхлые и изъедены временем. Разве что большие и много. Тут не нужно ума, тут нужно число, нужны большие толпы, чтобы такое высечь и нагромоздить. Да еще, небось, насыпь пришлось делать, чтобы втащить по ней камни. И главное, зачем? Большой Курзыц – он сложный, там ум приложен. Там чувствуется какая-то важная цель – на нем что-то делали или он сам что-то делал.

– Но Большой Курзыц мертв, он разрушился, там только труха и скалы, а этот стоит назло дождям и ветрам.

– Большой Курзыц умер, а этот никогда и не оживал. Он сразу сделан мертвым, потому и стоит. Большая мертвая груда камней. Там мы нашли много полезного для себя, а здесь?.. Дурное дело. И те каменщики, кто его делал, глупее курзов. Я думаю, они даже глупее нас... Или просто их сумасшедший вождь заставил громоздить эту глупость себе во славу. Вон, смотри, там из кустов огромная каменная голова торчит с отбитым носом – наверное, его голова. Если бы меня заставили высекать из скалы дурную голову нашего вождя, я бы точно сбежал еще раньше.

– Хватит брюзжать – посмотри назад, – прервал Камнебой Землевед.

– Ого! – ответил Камнебой и умолк.

Они уже поднялись на три четверти – до остроконечной вершины, увенчанной кривым длинноогльчатом деревом, осталось совсем немного. Камнебой покачал головой и преодолел остаток пути, не проронив ни слова.

Землевед с Камнебоем уселись на вершине в обнимку со смолистым деревом. Приеммыш влез на его толстый сук. Перед ними лежала широкая зеленая низменность, рассеченная, как лучами, прямыми луговыми распадками. В одном из них паслись козы. По сторонам распадков – ровные заросшие крутые валы, бугры и пригорки, складывающиеся в общую картину. Будто кто-то расчертил местность, с помощью гигантских натянутых канатов и великанских плугов, высек отвесные стены холмов, увитые зеленью, вытянутые вдоль одной линии. На низменности лежала легкая полуденная дымка, и эту дымку пробивали две зеленые скалы, или не скалы... Толстые прямые столбы толщиной в десятки шагов, высотой больше сотни. Эти столбы состояли из густого леса! Деревья и кусты громоздились друг над другом, укоренившись где-то в глубине – не видно, в чем и как. И тут уже не оставалось никаких сомнений: этот исполинский узор, эти столбы созданы кем угодно, но только не Природой. Островерхие каменные холмы с четырьмя плоскими гранями и невероятная долина, созданная не Природой...

– Кажется, мы нашли большой след, о котором ты мечтал, – сказал Камнебой. Здесь жили не только каменщики. Смотри, какие там столбы! Только курзы со своим серым камнем с зандынами могли такое поставить.

– Да, но след снова мертвый. Мертвый след далекой древности. А вся эта зелень – лишь жизнь поверх смерти. Мне кажется, там под валами и буграми что-то похоронено. Боюсь, там похоронены не только камни, но и кости... Боюсь, что нам некого больше искать.

– Попробуем раскопать что-нибудь? – вступил в разговор Приеммыш.

– Силенок не хватит! – ответил Камнебой.

– Да, не хватит... Может быть, река что-то раскопала? – предположил Землевед. – Она ведь извивается, роет берега, зарывается вглубь, оставляет ступени. Надо бы полазить по обрывам.

– Надо как-то назвать эти каменные холмы. Эх, жаль малышей с нами нет, – посетовал Камнебой. – Ну-ка, Приеммыш, придумай что-нибудь.

– Трегрмады, – предложил Приеммыш, – их три и у них треугольные стороны.

– Годится! – отозвался Землевед.

Когда шли назад, тот же самый путь казался загадочней и почему-то опасней, хотя все понимали, что бояться нечего – древность мертва. На сей раз по сторонам смотрели гораздо внимательней: действительно, в зарослях прятался каменный лев, кое-где из склонов выглядывали развалины, из одного холмика торчал высокий кусок стены с квадратными дырами. Снова в траве показались и исчезли мохнатые хвосты, а один из них, серый, сопровождал разведчиков почти до самой реки.

– Женщины, торжествуйте! – закричал Землевед с крутого берега, подходя к стоянке. – Остаемся здесь на несколько дней, пока не поймем, что делать дальше. Отдыхайте и отъедайтесь! Тут интересно!

И мужчины полезли по обрывам. Приеммыш – порхая, как бабочка, от камня к камню; Камнебой с Остроглазом – быстро перебираясь по склонам, как муравьи; Землевед – двигаясь не спеша и цепко, как жук.

– Ровные красные камни! – сообщил Камнебой. – Легко разбиваются, на инструменты не годятся.

– Тут блас, как на Большом Курзыце, – доложил Остроглаз. – Им можно резать мясо.

– Я нашел тулбы, сразу три! – вскричал Приеммыш.

– Кости! Человеческие кости, хребет и череп!

Все бросились на зов Землеведа. Из плотной массы песка, глины и гальки выступал позвоночник и задняя половина черепа.

– Ну вот мы и нашли... Что я и говорил. И никакие они не великаны и не духи. Такие же люди.

– Почему его никто не сжег после смерти? – спросил Остроглаз. – Он же не смог через пепел превратиться в траву и через пламя стать духом!

– Эх, тут можно много чего спросить! – ответил Землевед. – Был ли кто-то рядом, кто мог его сжечь после смерти? Сжигали ли те люди своих умерших? Может быть, они клали их в каменное ложе или закапывали в землю. Может быть, они все сразу погибли и некому было позаботиться о телах. Но теперь мы хоть знаем, что здесь жили люди и оставили следы – много следов, очень много очень больших следов.

Камнебой принес в лагерь несколько ровных красных камней – мало ли для чего пригодятся. Прыгулька с Веселькой тут же уволокли эти камни, сложили их в две стопки, накрыли ветками.

Камнебой, сидя на камне, следил за их игрой.

– Что вы делаете, чем вы играете? – спросила Мамаша.

– Это чикры. Здесь будет жить овечка, – ответила Прыгулька.

Камнебой вскочил и прошел несколько шагов туда-сюда, схватившись за подбородок:

– Так вот зачем эти камни! Из них те люди строили жилища, как я сам не догадался? Они повсюду – я видел несколько таких камней, слепленных серой глиной. Значит, это был кусок стены.

– А мы можем построить жилище из этих камней – как там они называли, чиков? – для себя? – спросила Мамаша.

– Конечно, можем построить стены! Надо только найти хорошую липкую глину. И найти, из чего делать крышу...

– Да подождите вы с жилищем! – вмешался Землевед. – Я не понимаю, что делать дальше. Здесь не лучшее место, чтобы остаться, мне оно не нравится, даже не знаю, прочему. А еще меня беспокоит река – ее нрав изменился. Вы-то спокойно сидите на плоту, а меня перед каждым поворотом всего сжимает – что там, может быть такая же крутобойня, как у Большого Курзыца. Оставаться не хочется, и плыть рано...

– Смотрите, вон Остроглаз что-то интересное несет.

Остроглаз принес большой кусок бласа в полторы ступни шириной.

– Смотрите, с одной стороны он совсем гладкий! В нем все отражается, как в воде. Красотка, можешь поглядеть на себя. Ты же любишь смотреться в воду. Встань вот сюда, на границу тени от куста, так, чтобы на лицо падал солнечный свет, и смотришь в блас в сторону тени... Вот так...

Лицо Красотки вытянулось, потом перекошилось. Она посмотрела на Запевалу, потом на Мамашу.

– Что со мной?! Неужели я стала такая старая? У меня же совсем недавно была ровная гладкая кожа! Когда появились эти морщинки здесь и здесь?! Вся в каких-то пятнышках, прыщиках. Что со мной случилось?

– Ничего с тобой не случилось, – ответила Мамаша, взяв у Красотки брас и взглянув на себя, – ты всегда такая. Просто эта штука показывает все лучше и четче, чем вода. Я вон вообще страшилище. Ну и что? Землевед меня все равно любит. А тебя любит Камнебой и вряд ли разлюбит от того, что ты увидела свои морщинки и прыщики.

Красотка сидела на высоком камне, уперев локти в колени, опустив голову, и молчала.

– Эй, Камнебой, иди сюда! Тут твоя подруга в тяжелой скорби. Утешь ее!

Между тем на краю прибрежного откоса появился Приеммыш.

– Там лицо на камне! – закричал он, и сбегал вниз большими прыжками.

– Там я увидел много больших ровных камней – светло-рыжих, серых, розовых, – продолжил он, отдышавшись. – На многих какие-то знаки. Они тяжелые, но я перевернул один – там оказалось лицо, лицо женщины! Пойдем, покажу! Идти совсем близко.

Пошли все, включая малышей. Приеммыш привел к свежему обвалу у небольшого рукава реки. Поверх обвалившейся массы лежали те самые ровные камни длиной пять-шесть ступней. Концы некоторых были замысловато обтесаны и напоминали контуры человеческих голов на широкой шее, концы других были плавно закруглены. Тот камень, к которому подвел Приеммыш, отличался от большинства. Он был зернистым, темно-серым и гладким; чувствовалось, что этот камень крепче других. Посередине был светлый мутноватый овал, в котором просматривались очертания женского лица. Под овалом в камне были высечены знаки:

SARAH JOHNSON

18.05.1997–11.12.2079

– Приеммыш, у тебя там в тулбе есть вода? – спросил Камнебой.

– Вот, немного осталось.

Камнебой полил овал водой – лицо проступило яснее.

– Сбегай еще за водой!

Камнебой снял сандалию и стал тереть овал подошвой, смазав поверхность мягкой глиной. Потом снова полил водой.

– Смотрите!

– О, духи! Как живая!

– Почему у нее такая светлая кожа, а волосы темные?

– Она немолодая, но какое хорошее лицо, умные глаза!

– А что на ней надето? Красиво! Из чего это сделано, ума не приложу.

– А как такое вообще может быть? Как может быть лицо на камне как живое? Как оно запечатлелось?

– Она из курзов. Они умели делать чудеса...

Все замолчали, глядя на запечатленное лицо. Молчали даже малышки. Землевед присел на корточки, остальные стояли. Красотка прильнула к Камнебою, Остроглаз обнял Запевалу, у Мамаша намокли глаза, по щеке потекла капля, Приеммыш закусил верхнюю губу... Так и стояли... А женщина, слегка улыбаясь, смотрела в небо между склонившимися головами.

– Вот мы и нашли... – сказал Землевед. – Вот какие они были, курзы... Красивые, умные, могучие – соорудили столько чудес, что пугают и привлекают нас. Но почему?! Почему их самих нигде нет? Куда они делись? Все умерли? Ушли? Но куда? Столько всего создать, обустроиться – и взять да и уйти из такого места! Куда, зачем? Нашли место лучше? Или все умерли? Почему? Такие могущественные – и все умерли?! Каждый умирает, но оставляет потомков. Почему не оставили?! Где ее потомки? – Землевед показал на лик женщины. – Знать бы, где сейчас витает ее дух! Где тот ветер, что его носит?

Мамаша посмотрела в небо, где неподвижно висели три небольших облака, остальные озирались по сторонам: два журавля на берегу, три чайки над рекой, стервятник на дереве... Прошелестел и стих ветерок. А Приеммыш рассматривал рыхлую землю оползня.

– И здесь кости, вон кость, кажется, ребро, – прошептал он.

Да, там лежало чуть присыпанное ребро, рядом с ним – еще четыре. Чуть дальше торчала берцовая кость, а за ней – несколько ребер. Камнебой отковырнул человеческий таз, Приеммыш расчищал череп. Остроглаз держал на вытянутой руке второй череп, будто пытался с ним поговорить.

– Здесь кости многих людей, – добавил Землевед. – Вон хребет вместе с третьим черепом.

– Смотрите! – закричал Приеммыш. – Вон в обрыве, будто норы, оттуда тоже кости торчат!

– Я вот что думаю, – сказал Камнебой, – здесь люди закапывали своих мертвецов и клали сверху эти камни. Наверное, и ее кости где-то здесь.

– Что нам кости?! Где ее дух? Ты сам помянул его, – вступила Мамаша. – Видит ли он нас? Как воззвать к нему? Он знает эти места и может помочь нам, чтобы мы не плутали, как в потемках.

– Что ее духу до нас?! Духи предков заботятся о нас по обязательству перед потомством. Даже если она – наш далекий предок, череда потомков давно запуталась и порвалась. А нам ее дух вообще ничего не должен.

– Но если курзы были могущественней нас, они могли быть добрее, может быть, их духи могут помочь без всяких обязательств? Посмотри на ее лицо – оно доброе! Подумай, ощути – может быть, ее дух тебе подскажет что-то. Может быть, он здесь, витает над нами. Думай об этой женщине, закрой глаза, чтобы в голове появилось ее лицо – и тебе на ум придут правильные мысли.

Землевед лег на спину, закрыл глаза и заснул. Через полчаса открыл глаза, потряс головой и сел. Потом три раза глубоко вздохнул и улыбнулся:

– Уже пришли. Вы остаетесь здесь, мы с Приеммышем идем на разведку. Я беру Приеммыша, потому что его все равно не удержать. А польза от него есть: он наблюдательный и быстро соображает. Камнебой с Остроглазом остаются с вами, обустроивают стоянку и добывают еду. Хотя чего ее добывать – сама в рот сыплется. Если что – защищают вас. Хотя от кого защищать?! Но все равно вам с ними будет спокойней. Давай я лучше кликну остальных и расскажу всем. Камнебой, иди сюда и позови Красотку с Запевалой! Приеммыш, Остроглаз, идите сюда! Вот, что я решил. Река быстро меняется – впереди что-то есть, чего раньше не было. Может быть, оно опасное. А может быть, там то, что мы искали, – цель пути, будь это край земли или ее середина. Течение все быстрее, а нам уже хватило приключений у Большого Курзыца. Поэтому все остаются здесь, а мы с Приеммышем идем вниз по течению и посмотрим, что там. Не позже, чем через половину луны, возвращаемся и решаем, что делать дальше.

Приеммыш молча сел, сжался и закрыл лицо руками, чтобы не спугнуть счастье.

5. Край земли

Когда Землевед с Приемышем шли на север, придерживаясь левого берега реки, они уже не удивлялись ничему. Ни прибрежному каменному бурелому, ни огромной наклоненной скале с ровными краями, ни валяющимся под обрывом «чикрам», ни остаткам огромных стен с ровными дырами, из которых выглядывали зеленые ветви. Казалось, у Природы не хватило песка и пыли, чтобы замести все гигантские деяния древнего человека, не хватило силы древесных корней и упрямой травы, чтобы раздробить, скрыть и превратить в почву все эти ровно уложенные камни и непонятно как сотворенные серые скалы. То, что они восприняли издалека как огромные столбы из леса, оказалось ребристыми каменными скелетами – их перепонки плотно заросли деревьями и кустами, высовывающимися в проемы.

Кости на пути больше не попадались.

Река все глубже врезалась в зеленую равнину, все чаще шумела и пенилась на быстринах, которые, впрочем, не шли ни в какое сравнение со стремниной Большого Курзыца – их можно было легко преодолеть на плоту, даже не высаживая женщин и малышей. Каменный бурелом закончился, остались лишь небольшие кустистые холмики – повсюду то ли девственная, то ли полностью победившая природа.

Землевед с Приемышем питались фруктами и маслянистыми ягодами, не тратя время на охоту и приготовление пищи. Ночевали под открытым небом, постелив сухую траву, накрывшись травой. Землевед перед сном рассказывал, как он ходил за Восточный хребет, обходясь по несколько дней без еды, ночуя на голых камнях. Два раза промокли под коротким, но сильным дождем. А на пятый день пути, поднявшись на холмик, чтобы осмотреться, не увидев привычного горизонта, бросились бегом на север.

Что ощущает человек, впервые в жизни увидевший море, человек, никогда не слышавший, что оно существует, и не помышлявший о подобном? Человек, в языке которого нет слова, обозначающего море... Этот человек ощущает теплый шок, светлый шок, выражаемый восклицанием «Вот это да!», и не может стоять на месте – бежит к морю, иногда останавливаясь, чтобы осмотреться, и снова бежит под действием волнующего незнакомого запаха и усиливающегося притяжения синего пространства. И лишь бросившись в прозрачную соленую воду в чем был, человек осознает, что надо остановиться.

– Край земли, край земли! – орал Приемыш срывающимся ломающимся голосом.

– Вот мы и пришли... – тихо произнес Землевед.

Они вышли из воды и легли на галечном берегу, глядя в небо – облака спокойно плыли с юга.

Смотри, и облака, и ветер оттуда же, что и мы. Ну вот и принесло нас сюда, как те семена из сказки! Здесь и взойдем, правда, сын?

– Взойдем, отец!

Край земли тянулся на запад, изгибаясь большой дугой. На другом конце дуги, на длинном выступе стояли невысокие, но могучие утесы с плоским верхом. Разве можно не сходить туда?!

– У нас еще есть время до возвращения. Сходим?

– Сходим!

Берег зарос невысокими деревьями – теми самыми, игольчатыми, – и другими – тоже пахучими, но с маленькими зелеными чешуйками вместо листьев. Идти было далеко, они не успели до заката и заночевали в грудях пахучей зелени под открытым небом. Заснули не сразу – звездное небо не располагало ко сну. Да к тому же яркие звезды отражались в воде.

– Отец, смотри, как высоко Северная звезда! И ведь все звезды крутятся вокруг нее. Помнишь наш разговор на холме в дни долгой стоянки? Теперь она стала еще выше!

– Конечно, помню. Только ничего не понимаю. Не понимаю, почему мы сейчас видим Журавля, хотя он снизу от Северной звезды. Ведь в начале пути все, что снизу от нее, скрывалось под землей. Я думаю, что и сейчас оттуда Журавль не виден. Так почему, разразите меня духи предков, он вот, перед нами?

– И я не понимаю. Представь, вот Северная звезда, – Приеммыш показал на шишку на ветке. – Вот плоскость земли, – Приеммыш изобразил плоскость движением рук. – Когда мы смотрели оттуда, Журавль при таком расположении звезд был здесь, – Приеммыш показал на ветку снизу от воображаемой плоскости. Мы были здесь, приплыли сюда – Приеммыш обозначил на воображаемой плоскости две точки. И смотри, отсюда Северная звезда стала выше, а Журавль так и остался снизу, еще сильнее опустился. А он на самом деле вот, перед нами!

– Это можно было бы понять, если бы мы жили на шаре: перешли с одной части шара на другую – и открылась часть неба. Но мы-то живем на земле!

– Ты прав, отец. А если бы мы жили на шаре, который вертится, то и вращение неба легко объяснить. Тогда вообще все понятно. Но мы ведь и правда живем на земле. Ничего не понимаю!

– Ладно, давай спать, а то голову сломаем.

– Не могу я спать. Как будто духи издеваются надо мной. Я ведь не дурак, правда, отец! Так зачем они издеваются?!

– Наплюй на духов. Когда-нибудь мы пойдем или потомки поймут, почему все в мире так. А сейчас вспоминай, как мы шли сегодня, и считай деревья по дороге. Деревья с иголками отдельно, деревья с чешуйками отдельно.

Поздним утром они пришли к намеченному выступу земли, где стояли, вернее, лежали серые утесы. Их верх шел ровно, края – прямо, концы тоже будто аккуратно обрублены. Дальше стояли такие же – и верх их был на том же уровне.

– Смотри, как ровно они стоят, – обратил внимание Приеммыш, – чем-то напоминают Большой Курзыц. Зачем их так поставили предки?

Землевед ответил не сразу. Он смотрел на воду, потом на утесы, потом прилег и посмотрел одним глазом вдоль их верхов.

– Представь, что вода за краем земли давным-давно была намного выше, чем сейчас, вот здесь. Тогда курзам было бы удобно приставать со своими плотами здесь. Вот и мы бы причалили на своем плоту сразу здесь, когда вернулись бы все вместе. И сразу шагнули бы на твердь. Не чавкали бы по илу, не скакали бы по камням, не лезли бы через тростник, а сразу на ровную твердь. Хорошо ведь!

– Как такое могло быть, что вода тогда была здесь, а сейчас – там?

– На свете многое бывает, сын мой, что и не снилось нам в дремучих снах!

Они пересекли длинный узкий выступ суши, поросший высоким кустарником, и открылась новая панорама. Первым вылез из кустов Приеммыш:

– Отец, смотри, там дальше, смотри-и-и...

– Ох ты, духи мои!

Вдоль берега, насколько хватало глаз, тянулись руины. В одном месте они прерывались – их погребла огромная дюна, заросшая кустами, потом продолжались, становясь массивней и выше. Стены с дырами, каменные осыпи, серые каменные скелеты. Они не кончались – просто растворялись в дымке на расстоянии дня пути.

– Духи мои, сколько же здесь когда-то жило людей?! Я даже не могу представить, что земля может носить столько людей! Интересно, а что они ели?

– Отец, а мне кажется, что там, у трегромад, развалин не меньше.

– Может быть, и не меньше. Просто там их сильнее замело песком, сильнее затянуло землей и зеленью. А здесь, наверное, временами дует сильный ветер с воды – он вычищает развалины. Но я не понимаю, зачем столько людей жило в одном месте! Как они могли про-

кормиться? Зачем они жили на головах друг у друга? Да, многого мы с тобой не понимаем. А там, смотри, вдалеке снова выступ земли, а на нем что-то, видишь, что?

– Кажется, там какие-то стены.

– У нас есть еще день в запасе – обернемся туда и обратно.

Землевед с Приемышем шли вдоль берега между развалинами и водой по пологим серым скалам, по тощей земле, покрытой ароматными свежеселеными деревьями и кустами с красными и синими ягодами, между корявых крупно-жестколистных деревьев и замшелых мелко-жестколистных. Один раз на пути попался небольшой ручей. Наконец они поднялись к желанным стенам на плоских утесах. Но их поразили не эти стены, а огромный полукруглый дол – ниша, вдающаяся вглубь берега. Она почти замыкалась каменным валом: если заполнить эту нишу водой под уровень, получится полукруглое озеро с двумя узкими выходами в бескрайнюю воду.

Они прошли через пролом в толстенной стене на широкую площадку и взобрались по другому пролому на более узкую, но высокую четырехугольную стену, стоящую в центре площадки. Путешественники увидели:

– край земли, идущий новой огромной дугой и уходящий насколько хватает глаз на запад;

– огромное количество того, что они назвали «плоскими утесами» и просто каменными валами, смотрящими в сторону воды, не достигая ее шагов пятисот;

– еще больше каменных развалин, не только вдоль берега, но и в глубине суши, идущих широкой полосой вдоль края земли насколько хватает глаз; кое-где поверх развалин высились дюны; между развалинами и водой шел зеленый склон шириной 300–600 шагов;

– обломки круглых длинных камней, похожих на окаменевшие стволы, валяющиеся чуть пониже по обеим сторонам;

– круглый длинный розовый каменный столб, стоящий как ствол огромного дерева без сучков с чем-то странным, нахлобученным наверху.

Землевед присел на выступ стены и задумался. Встал, огляделся еще раз, хлопнул по плечу Приемыша:

– Ну что ж, здесь и обоснуемся. Здесь важное место, не знаю, как объяснить, но важное. А сейчас сходим – туда, к тому столбу. Времени еще хватит.

До столба было всего тысячи три шагов, но дорога оказалась неудобной – сплошные каменные завалы. Столб стоял на невысоком пригорке, и стоял не один. Рядом лежал лев с человеческой головой, высеченный из того же камня, в сторонке чуть снизу – ряд столбов поменьше и пониже.

– Ого, – только и произнес Землевед.

Колонна была ровной, круглой и гладкой, состояла из зернистого розового камня, который не встречался в их долине. Наверху колонны как будто распустился огромный каменный цветок.

– Надо обязательно показать это Камнебою, он будет локти кусать от зависти! – добавил Землевед. – Мне кажется, такое каменщикам не по зубам – столб цельный и очень хорошо обработан. Наверное, его курзы сделали, подражая каменщикам для веселья.

– Смотри, смотри, у этого тоже нос отшиблен! – крикнул Приемыш, показывая на льва с человеческой головой. – Точно как у той головы, что возле трегромад!

– А я думаю, та большая голова тоже сидит на льве, только того льва засыпало песком. У этой головы вот здесь сзади такое, – Землевед помахал пальцами от ушей к плечам, – и у той то же самое.

– Но кто им отбил носы? Зачем?

– Откуда я знаю, сын?! Я и так переполнен вопросами без ответов. Это у Камнебая спросим, может быть, носы – самая хрупкая часть изваяний. А теперь пойдем – у нас уже в обрез времени, чтобы вернуться к обещанному сроку.

– Подожди, отец. Так кто где жил? Выходит, там, где была большая гроза, жили каменщики, у трегромад тоже каменщики, здесь – курзы, там у реки, где лицо на камне, – тоже курзы. Интересно, а они воевали между собой?

– Они не могли воевать. Курзы бы мгновенно разбили каменщиков, они были намного умней.

– Значит, они мирно жили бок о бок. А если и те, и другие – такие же люди, почему они так отличались?

– А я думаю, что они не жили бок о бок. Мне кажется, они жили в разное время.

– О, то-о-очно! А кто раньше?

– Если бы раньше жили курзы, то значит, они поглупели и превратились в каменщиков. А если каменщики, значит, они поумнели и стали курзами. Я думаю, что скорее каменщики поумнели. Если они тратили столько сил на возведение столбов и трегромад, если они высекали людей со звериными головами и вот таких зверей с человеческими головами, значит, у них был запас стремления и воображения. Люди со стремлением и воображением с годами умнеют, как Камнебой, а без того и другого глупеют, как наш вождь.

– А не могло быть так, что люди сначала поумнели и превратились из каменщиков в курзов, а потом потеряли стремление и воображение, поглупели и исчезли?

– Ох и вопросы ты задаешь, сын! Как дубиной по голове. Не знаю, что и ответить. Пойдем быстрее, не хочу опаздывать.

* * *

– А не пора ли им уже вернуться? – спросила Красотка.

– Я думаю, они вернутся не позже середины завтрашнего дня, – ответила Мамаша. – Землевед опаздывал только два раза: один раз – когда его ранили в ногу, другой – когда он ходил за Восточный хребет и нашел там эту страшную штуку с костями. Ой, чего это Ушка встрепенулась и вскочила?!..

Ушка, подобно тем недавним «духам реки», незаметно появилась на высоком берегу вскоре после ухода Землеведа с Приемышем. Она просто сидела и смотрела на людей. Запевала взяла сырую рыбку, немного подошла к зверю – все, как тогда. Вскоре Ушка сидела у костра в обнимку с Запевалой и виляла хвостом, а Веселька с Прыгулькой стояли чуть поодаль, вытаращив глаза и открыв рот. И только спустя некоторое время осторожно, шаг за шагом приблизились и дотронулись пальцами. Вскоре началась бурная любовь навеки с валянием в пыли.

– Ушка, Ушка! – кричали девочки, подарив имя новому члену племени.

Ушка действительно вскочила и осторожными крадущимися шагами с вытянутым хвостом пошла вверх наискосок, оцетинилась, зарычала, потом резко отрывисто закричала. Чуть в стороне на краю крутого склона появились Землевед с Приемышем.

– Что у вас за чудище такое?! – спросил Землевед.

– Это Ушка, она хорошая, идите, не бойтесь!

Вперед пошел Приемыш. Он уже кое-что знал об этих зверях: чуть подошел, опустился на четвереньки, ласковым голосом подозвал Ушку, дал себя обнюхать, потрепал по щеке. Охрана смиловилась.

– Ну, рассказывай! – потребовала Мамаша после непродолжительных, но крепких объятий.

– Да чего рассказывать... Вышли мы на край земли. Дальше – вода без конца и края, и в эту воду впадает наша Могучая река. Чудесная чистая прозрачная вода – красотища. И купаться в ней – одно удовольствие. И рыба в ней плавает, да еще какие-то круглые твари с клешнями как у раков бегают, и трава растет, и видно под водой как от меня до той глыбы. Наша река осталась справа от нас – мутная, грязная. На запад идет ровный берег огромной

дугой, а на берегу – любимые игольчатые деревья – идешь прямо по сухим иглам и шишкам. Потом – острый выступ земли, за ним – прямой берег, а там – разрушенное жильё людей, много-много разрушенного жилья – оно идет полосой вдоль берега насколько хватает глаз. А самое интересное место – у толстых стен... Мне трудно все объяснять словами, но там есть что-то важное. И там течет ручей, там много деревьев с маслянистыми ягодами и сладких желтых ягод – мы ими питались всю дорогу. Из зверей там бродят козы и небольшие антилопы, много черепах. И воздух ароматный, и красотища!

– Что-то не верю я тебе, – ответила Мамаша. – Что-то уж очень в твоём рассказе все красиво и складно. Дуришь ты нас, чтобы не оставаться здесь, неугомонная ты душа! А здесь ведь хорошо – вода, те же самые ягоды, и Ушка пришла...

– Ну-ка, скажи, когда я тебе врал хоть раз в жизни?!

– Ну, может быть, и не врал, но привирал, приукрашивал. Ты говорил, что путь через саванну – сплошной праздник, а вон как намаялись!

– Но ведь там край земли! Как мы можем сидеть здесь, когда в пяти днях ходьбы – прекрасный край земли! Вот что... Где моя петля? Приемьш, подай! Вот, ты прекрасно пролезаешь в нее. Красотка, иди-ка сюда... Замечательно, еще кулак остается, не дорос живот. Запевала, с тобой и так все ясно. Значит, завтра с утра трогаемся. Думаю, путь по реке будет быстрее, доплывем за три дня. Эту зверюгу тоже берем с собой.

Три дня пути прошли почти без приключений, если не считать незадачу с Ушкой, которая поначалу наотрез отказалась идти на плот. Но в конце концов уговоры в сочетании с применением силы сделали свое дело, и на сей раз плот отчалил с десятью живыми существами. Река несла быстро, но без буйства, на третий день к вечеру притормозила, а впереди пропала земля.

– Гребем к левому берегу! – скомандовал Землевед.

Вскоре левый берег кончился, исчез, и с трех сторон открылся бесконечный простор. Тишайший простор! Камнебой с Остроглазом увели плот с речной струи в неподвижную воду и сложили весла. Никто не произнес ни одного внятного слова – одни междометия. Все смотрели на запад, щурясь от двух солнц – прямого и отраженного в едва колышущейся воде – лавина предвечернего света повергала в трепет, запах воды приводил в благоговение. Мир стал другим, горстка застывших людей на углу плоту в золотисто-синем пространстве выпала из времени. И только Ушка, внезапно заскулив, вывела всех из транса.

– Гребем к берегу! – скомандовал Землевед.

– К правому или левому? – с усмешкой переспросил Камнебой.

– К единственному и последнему!

Наутро после недолгих споров отправились на запад – туда, к мощным стенам, к большим развалинам, к розовому столбу и человекоголовому льву. Решили, что плот еще пригодится и, главное, добыча с Большого Курзыца, сложенная на нем, но измучались грести в неподвижной воде. Решили зачалить плот на четверти пути, чтобы потом вернуться и перегнать, не задерживая женщин и детей, и пошли пешком почти налегке. Больше всех ворчала Красотка:

– Вот хорошее место, давайте встанем. Как, нет воды? Вон сколько воды! Подумаешь, пить нельзя... Зато какая чистая!.. Вот ручей – пить можно, давайте здесь, тут красиво. Ну что с того, что вы там уже выбрали... Думаете, так приятно тут с животом тащиться... Неправда, большой живот, это ты петлю слишком широкую завязал...

Мамаше было явно тяжелей, но она шла молча, лишь изредка предлагая передохнуть. Длинноногая Запевала шла легко, что-то мурлыча себе под нос, размахивая венцом антилопы – разве можно оставить его на плоту! Малышки частью ехали верхом, частью спешивались и семенили за взрослыми, достаточно окрепнув за долгое путешествие.

На второй день пути по берегу заночевали у очередного ручья, поужинав орехами и круглыми раками, запеченными в углях, – новая пища всем понравилась. Заметно похолодало, поднялся легкий ветерок, вода внизу зашуршала, зашлепала в скалах. Циновки остались на плоту,

пришлось ломать тонкие ветки игольчатых деревьев и укрываться ими, прижавшись потеснее друг к другу. Стало тепло, но никто, кроме малышей, не мог заснуть, несмотря на усталость.

– Давайте сказку что ли на сон грядущий, – предложил Камнебой. – Что-то совсем не спится, Мамаша, ну расскажи что-нибудь.

– Что все я? Вон вас сколько. Неужели никто кроме меня не знает хороших сказок? Эй, Запевала! Ты теперь у нас антилопа – вот и расскажи сказку про антилопу.

– Я ее плохо помню, могу напутать что-нибудь.

– Вот и хорошо. Путай – не стесняйся. Так сказки и строятся. Один начал, другой пере-сказал, напутал, получилось интересней – все запомнили, а если получилось хуже, все забыли. И так далее.

– Попробую. Жила-была антилопа, не простая, а волшебная. И жил-был охотник, не ска-зать, чтобы волшебный, но одержимый. Или не одержимый, а в него там кто-то вселился, не помню уже... И однажды охотник с луком погнался за антилопой. Антилопа взбежала на скалу и говорит охотнику: «Что ты гонишься за мной? Во мне мало мяса. Я лучше дам тебе двадцать крокодильих зубов – купишь на них двух овец, они куда сытнее меня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.